Вячеслав Олегович
КАЛИНИН

Повесть о Белом Волке

Вячеслав Калинин

Повесть о Белом Волке

«Автор»
2026

Калинин В. О.

Повесть о Белом Волке / В. О. Калинин — «Автор», 2026

Он был чужим в этом мире. Ему предстояло стать его хозяином.Санкт-Петербург, наше время. Обычный парень берет в руки древний тотем из песчаника - и оказывается в прерии XIX века, среди индейцев племени пикуни. Его нарекают Белым Волком.Смертельная охота на бизонов, ледяное одиночество в горах, схватка с дикой природой, дружба с индейцем - это лишь начало. За этим - еще много приключений, и никто не знает, куда дальше занесет героя судьба. Но главная битва ждет его там, где все началось.Сможет ли человек из будущего спасти свой новый народ? И что придется заплатить за то, чтобы остаться в мире, который стал ему домом?«Повесть о Белом Волке» - история о том, как один шаг может изменить время. И о том, что у судьбы всегда есть свой план.

© Калинин В. О., 2026
© Автор, 2026

Вячеслав Калинин
Повесть о Белом Волке

Автор ни в коем случае не претендует на историчность и реальность описываемых в книге событий, фактов и персонажей. Все перечисленное является фантазией. Ну, или почти все…

Часть I.
Глава 1.

Когда я открыл глаза, мой мир перевернулся. Не было ни привычного гулкого шума питерского метро, до сих пор стоявшего в ушах, ни знакомого запаха асфальта после недавнего дождя. Не было даже того специфического, пыльного запаха антикварной лавки, где всего одно мгновение назад я крутил в руках странную фигурку из песчаника.

Вместо всего этого - тишина. Давящая, абсолютная, сдобренная лишь нестройным стрекотом кузнечиков и запахом - густым, пряным, незнакомым. Пахло полынью, нагретым за день камнем и еще чем-то диким, первобытным, отчего внутри все сжималось в инстинктивном, животном страхе.

Солнце палило немилосердно. Я лежал в высокой, выгоревшей до соломенной желтизны траве, и надо мной простиралось такое небо, какого я никогда не видел. Синее-синее, как майоликовая чашка из бабушкиного сервиза, глубокое, бездонное, и без единого облачка. Ни самолетного инверсионного следа, ни даже тонкой перистой полоски. Только бесконечная, пугающая синева.

Я сел, и сердце ухнуло куда-то вниз, в пятки.

Перед моими глазами расстилалась равнина. Бескрайняя, холмистая, уходящая к лиловым, призрачным горам на самом краю света. А вокруг - ни души. Ни одного столба электропередачи, ни далекого дымка из заводской трубы, ни привычной глазу городской черты с высотками. Только волны разнотравья, колеблемые легким ветром, да редкие пятна кустарника в низинках. Это степь кругом? Или… прерия?

Первая мысль была глупой, почти детской: «Я участвую в телепередаче «Розыгрыш». Меня усыпили и вывезли куда-то. Сейчас выйдут из-за кустов с камерами».

Я встал, пошатываясь. Голова гудела, как перегруженный динамик, во рту пересохло. Я оглядел себя: старые джинсы, футболка, легкая куртка, кеды. Все на месте. Кроме одного - в руке не было той фигурки из песчаника, которую я рассматривал у антиквара. Я смутно помнил вспышку света, странное покалывание в пальцах, а потом - темноту. И вот теперь - это бескрайнее пространство вокруг.

- Эй! - крикнул я в пустоту. - Это очень глупая шутка! Может быть хватит?

Голос прозвучал сипло и жалко, его тут же унес ветер. Никто не откликнулся и не вылез из кустов.

Я двинулся в ту сторону, где, как мне казалось, могла быть цивилизация - к виднеющимся вдалеке горам с покрытыми белоснежными шапками вершинами. Идти было трудно. Ноги увязали в густой траве, цеплялись за невидимые кочки, воздух обжигал легкие непривычной сухостью. Через час я выдохся и сел на первый попавшийся валун, пытаясь привести мысли в порядок.

«Что случилось? Как такое могло произойти? Где я очутился?»

Я перебирал в памяти последние минуты перед провалом. Антикварная лавка в центре Санкт-Петербурга, на старой улице, где я оказался случайно, забежав внутрь от дождя. Хозяин, пожилой сутулый мужчина в синей футболке, с внимательными глазами, копался в стеклянном стеллаже. А я разглядывал открытую витрину и наткнулся на странную вещицу - фигурку из песчаника, грубовато вырезанную, с округлым основанием и стилизованной фигуркой человека с распростертыми руками. Вся она была покрыта замысловатыми спиралями и линиями. Я взял фигурку в руки, и она показалась мне теплой, почти горячей. И в тот же миг - вспышка...

Неужели это как-то связано? Бред. Полный бред. Наверное, я просто ударился головой, и мне все мерещится. Сейчас очнусь в больнице с сотрясением.

Я ущипнул себя за руку до боли. Боль была настоящей. Трава под ногами - тоже настоящая. И солнце, палящее затылок, самое настоящее.

Я заставил себя встать и идти дальше. К горам. Там должна быть вода, там могут быть люди. Где-то же должны быть люди, в конце концов!

К вечеру меня накрыл неподдельный ужас. Солнце, огромное и багровое, коснулось горизонта, и краски вокруг стали невероятными - оранжевыми, розовыми, фиолетовыми. Красиво, но эта красота была чужой и пугающей. Я не увидел ни одного огонька, ни дымка, ни даже следа дороги. Только бескрайнее море травы, кусты и темнеющие вдалеке горы.

Голод давал о себе знать тупой болью под ложечкой, а жажда - пересохшим горлом. Я провалился в сон прямо на земле, свернувшись калачиком под каким-то чахлым кустом, дрожа от холода, потому что ночью в прерии (а я уже почему-то был почти уверен, что нахожусь не в степи, а именно в прерии!) температура падала стремительно, а куртка моя была совсем не приспособлена для таких условий.

Проснулся я от холода и страха. За ночь я продрог до самых костей, зубы выбивали барабанную дробь. На востоке только начинало светать, небо окрашивалось в бледно-розовые тона. А я лежал, скорчившись, и пытался понять, где нахожусь. Мысль, которая сначала казалась бредовой, теперь все настойчивее стучалась в сознание: что, если это не Россия? Что, если это вообще не мое время?

Я вспомнил все фильмы, все книги про попаданцев и путешественников во времени, которые когда-либо видел или читал. Все эти истории казались такими далекими, такими сказочными. А теперь, похоже, я сам оказался в центре такой истории, и от этого было невероятно страшно.

С первыми лучами солнца, когда воздух начал прогреваться, я снова двинулся в путь. К горам. Интуиция подсказывала, что там есть вода. И, может быть, есть люди.

Я шел весь день, останавливаясь только чтобы перевести дух. Язык распух и стал шершавым, как наждак. Я пытался жевать траву, но ее сок был горьким и только усиливал жажду. Несколько раз я проваливался в какое-то полубредовое состояние, когда мысли путались, а перед глазами плыли круги.

Я думал о своей девушке. Увижу ли я ее когда-нибудь? Думал о друзьях, о работе, о всей той привычной, серой, но такой безопасной жизни, которую я вел. Зачем я пошел в эту антикварную лавку? Зачем взял в руки эту проклятую фигурку? Ведь точно из-за нее я очутился непонятно где!

Фигурка... Я снова и снова прокручивал в памяти момент вспышки. Что это было? Электрический разряд? Или что-то другое, чему нет названия в моем мире? Может быть, фигурка была не просто древним артефактом, а чем-то вроде портала, ключа? Может быть, тот антиквар знал что-то, чего не знал я? Или это просто нелепая случайность?

Я не находил ответов. Только бескрайняя прерия вокруг, жажда, голод и нарастающее отчаяние.

На исходе второго дня я наткнулся на ручей. Маленький, пересыхающий, с мутноватой водой, но все же это была вода!

Я упал на колени и пил, пил, не в силах остановиться, пока не закололо в животе. Потом сидел на берегу, смотрел на закат и чувствовал, как вместе с водой в меня вливается какая-то странная, первобытная надежда. Я жив. Я нашел воду. Значит, еще есть шанс.

Третьи сутки моего пребывания в этом мире стали поворотными. Отчаяние отступило, сменившись лихорадочной, животной решимостью выжить. Голод стал не просто тянущей болью, а чем-то, что требовало немедленных действий. Я вспомнил все, что когда-либо читал о выживании в дикой природе. Ягоды. Коренья. Мелкие животные.

Ягоды я нашел быстро - темно-синие, очень похожие на голубику, они росли на невысоких кустиках у ручья. На свой страх и риск, я съел горсть, потом еще одну. Ягоды были кисловатыми, но съедобными - мой организм протестовать не стал. С кореньями оказались сложнее - я просто не знал, какие из них можно есть, а какие нет. Живности, ни мелкой, ни крупной, не наблюдалось вовсе. Пришлось ограничиться ягодами.

Я двигался дальше, держась русла ручья - благо, что шло оно в нужном мне направлении, к горам. Теперь у меня была вода и хоть какое-то жалкое подобие еды. Мысли мои стали яснее. Я начал внимательнее вглядываться в окружающий мир, замечать детали, которые раньше ускользали от моего затравленного взгляда. И чем больше я вглядывался, тем сильнее крепло во мне ужасное, ошеломляющее подозрение.

Здесь не было ничего, созданного человеком. Ни пластикового мусора, ни консервных банок, ни даже старой покрышки. Только трава, кусты, камни. И все-таки появились животные. Я видел их несколько раз - вдалеке паслись какие-то некрупные, похожие на оленей, существа. А один раз я заметил в небе хищную птицу, такую огромную, каких никогда еще не встречал. Она парила высоко-высоко, высматривая добычу.

К концу третьего дня я понял, что должен принять реальность, какой бы невероятной она ни была. Я не в России. Я не в двадцать первом веке. Я где-то в другом месте и, возможно, в другом времени. И если я хочу выжить, мне нужно перестать быть Игорем Волковым, молодым менеджером из Санкт-Петербурга, и стать кем-то другим. Кем-то, кто сможет выжить в этом диком, первобытном мире.

Я так и называл про себя этот мир - «прерией». Почему-то это слово пришло на ум само собой, из старых вестернов, которые я смотрел в детстве. Прерия. Ковбои. Индейцы.

Эта мысль показалась мне такой дикой, что я даже рассмеялся - нервно, истерически. Индейцы. Точно. Может быть, прямо сейчас из-за холмов вылетят всадники с томагавками и снимут с меня скальп.

Я заставил себя успокоиться. Индейцы - это лучше, чем ничего. Индейцы - это люди. С ними можно попытаться договориться, если они, конечно, не убьют меня сразу.

Я шел весь четвертый день, уже почти не чувствуя усталости. Тело работало на автомате, мысли текли медленно и тягуче, как смола. Я уже не думал о том, как вернуться назад. Я думал только о том, как выжить сегодня.

И вот тогда я увидел их. Вдалеке, у подножия холма, темнела лента чего-то живого, движущегося, огромного. Сначала я подумал, что это река, но реки не бывают такими... плотными, что ли. Я поднялся на холм, и сердце мое остановилось, а потом забилось с бешеной силой.

Это были бизоны. Тысячи бизонов. Темно-бурое, живое море, текущее по прерии медленно, но неукротимо. Земля дрожала от топота их копыт даже на расстоянии нескольких миль. Воздух наполнился глухим, низким гулом, смесью мычания и мерного топота.

Я стоял, не в силах отвести взгляд. Зрелище было настолько грандиозным, настолько выходящим за все рамки моего опыта, что я забыл про страх, про голод, про жажду. Я смотрел на это живое, доисторическое чудо и чувствовал себя ничтожной песчинкой, случайно занесенной ветром в этот огромный, суровый мир.

Это была сама жизнь, ее древний, неукротимый пульс, тот самый, который давно угас там, откуда я пришел. И в этот момент я понял окончательно и бесповоротно - я не в своем

времени, однозначно. Я в прошлом. В настоящем, реальном, диком, жестоком прошлом, где человек - лишь часть этого огромного, безжалостного мира, а не его хозяин.

Я смотрел на бизонов, пока последние из них не скрылись за горизонтом, и чувствовал, как внутри меня что-то меняется, ломается, перестраивается. Страх никуда не делся, но теперь к нему примешивалось другое чувство - дикое, первобытное любопытство. Если я здесь, если это не сон и не галлюцинация, значит, мне предстоит жить в этом мире. И значит, мне нужно учиться понимать его законы. Прямо здесь и сейчас.

Я спустился с холма и пошел в ту сторону, откуда пришли бизоны. Там должна быть вода. Там, возможно, будут люди. Мне было страшно до дрожи в коленях, но я заставлял себя идти. Шаг за шагом. Подальше от того, кем я был. Навстречу тому, кем мне предстояло стать.

Именно тогда индейцы и нашли меня.

Не было ни громких криков, ни боевых кличей, ни выстрелов. Они просто возникли, словно из самой земли, материализовались из высокой травы в десятке метров от меня. Три всадника на низкорослых, жилистых лошадях, покрытых яркими попонами. Смуглые лица с суровыми, внимательными глазами. Длинные черные волосы, украшенные перьями. Одежда из мягкой, потемневшей от времени кожи, расшитая бисером и иглами дикобраза. В руках - копья и луки, на поясах - ножи в кожаных ножнах.

Я замер, чувствуя, как сердце уходит в пятки. Бежать было бессмысленно. Кричать - тем более. Я просто стоял, подняв руки вверх, как учили в фильмах, показывая, что безоружен.

Они смотрели на меня молча, без враждебности, но и без дружелюбия. Просто изучали, как изучают странное, невиданное животное. Один из них, старше других, с лицом, изрезанным глубокими морщинами, как высохшее русло реки, медленно подъехал ко мне и что-то сказал на странном гортанном языке. Я не понял ни слова, только покачал головой, стараясь не смотреть ему в глаза - где-то я читал, что прямой взгляд может быть воспринят как вызов.

Я попытался улыбнуться, но улыбка, наверное, вышла жалкой и испуганной.

- Я... я не понимаю, - выдавил я по-русски, а потом повторил уже на английском, который учил в школе и институте. - I don't understand.

Индейцы обменялись короткими фразами. Потом старший кивнул и жестом указал мне следовать за ними. Это был не приказ. Это было решение, от которого захватывало дух. Моя судьба только что решилась, и я даже не знал, в какую сторону.

Мне дали знак идти рядом с лошадью одного из всадников. Я шел, спотыкаясь, чувствуя на себе взгляды индейцев, и думал только об одном: я жив. Пока жив. А значит, у меня есть шанс. Шанс понять, где я, кто эти люди и что меня ждет в этом невероятном, страшном и прекрасном мире, куда меня забросила судьба или тот самый тотем из песчаника, оставшийся где-то там, в другой жизни.

Так начался мой путь в племя, которое сами индейцы называли «Пикуни» - часть великого народа Черноногих.

Глава 2.

Первые дни в стойбище пикуни были для меня подобны пребыванию в ином измерении. Все здесь подчинялось неведомым мне законам, каждый жест, каждый взгляд имел значение, которое я угадывал лишь смутно, как слепой угадывает форму предмета на ощупь.

Меня поселили в старом, пропахшем дымом типи на краю лагеря. Хозяйкой его была вдова по имени Тихая Трава, женщина лет тридцати с лицом, уже изрезанным морщинами, но с удивительно добрыми, живыми глазами. Ее муж погиб в прошлую зиму во время снежного бурана, и она жила одна с двумя малыми детьми. Мое появление в ее типи было, судя по всему, решением вождя или совета племени - дать приют неприкаянному чужаку и заодно помочь женщине, оставшейся без кормильца.

Первое время Тихая Трава относилась ко мне с настороженностью, граничащей со страхом. Она ставила передо мной миску с едой, не глядя в глаза, и поспешно отходила в свой угол, заслоняя собой детей. Я чувствовал себя огромным, неуклюжим медведем, ввалившимся в нору к пугливым зайцам. Я старался занимать как можно меньше места, не делал лишних движений, тихо сидел у входа, наблюдая за жизнью стойбища.

Язык я учил жадно, как умирающий от жажды учится заново глотать, понимая, что без этого нормально влиться в местное общество будет практически невозможно. Слова были трудными, длинносоставными, но удивительно образными. «И-и-нни-ва» - бизон, огромный лохматый зверь. «На-пи-ко-ан» - белый человек, буквально «бледнолицый». «О-ки» - здравствуй. Каждое новое слово было для меня как маленькая победа. Моим первым учителем, естественно, стала Тихая Трава. Когда я понял, что она боится, я стал обращаться к ней через ее детей. Сначала я просто показывал на предметы пальцем и вопросительно смотрел. Старший мальчик лет семи, по имени Выдра, быстро понял мою игру и стал с энтузиазмом выкрикивать названия, хохоча над моими неуклюжими попытками повторить. Тихая Трава сначала строго одергивала его, но потом, видя мою безобидность и искреннее желание учиться, смягчилась. Иногда, ставя передо мной миску, она тихо произносила: «Аоо-вах-син» - еда. «Аох-ки-и» - вода. Я старательно повторял, и на ее суровом лице мелькало подобие улыбки.

Вождь племени, Поющий Ветер, наблюдал за мной издалека. Он не подходил ко мне в первые дни, но я постоянно чувствовал на себе его взгляд. Это был не взгляд врага или надсмотрщика. Это был взгляд охотника, изучающего незнакомого зверя - «Опасен ли? Можно ли приручить? Принесет пользу или беду?»

Однажды, на пятый или шестой день моего пребывания в стойбище, я сидел на корточках у своего типи, пытаясь с помощью куска старой кожи, костяной иглы и острого камня смастерить себе подобие обуви. Мои городские кеды, когда-то модные и удобные, превратились в лохмотья после нескольких дней блужданий по прерии. Я ковырял кожу камнем, злился, резал и колол пальцы, а результат был жалким.

- Ты делаешь это не так.

Я поднял голову. Рядом стоял Поющий Ветер. Он не подошел - он просто возник, бесшумно, как его имя. В руках вождь держал пару добротных, уже поношенных, но крепких мокасин.

- У тебя ноги белого человека, - сказал Поющий Ветер, кидая мокасины мне под ноги. - Они привыкли к твердой земле. Но здесь земля мягкая и живая. Ей нужна другая кожа.

Я взял мокасины. Они оказались мягкими, теплыми, и, как ни странно, пришлись мне почти впору. Я поднял глаза и попытался выдавить из себя слова благодарности на его языке.

- Су-ка-пи… - начал я, мучительно подбирая слова. - Спасибо… Поющий Ветер.

Мое произношение, должно быть, было чудовищным. Но вождь не засмеялся. Он присел рядом со мной на корточки, что для индейского вождя, как я потом узнал, было знаком особого расположения, и взял в руки мою неуклюжую поделку.

- Камень тупой, - сказал он, критически оглядывая мое «орудие труда». - Кожа сырая. Пальцы слепые. Смотри.

Вождь вынул из-за пояса свой нож. Не каменный, как у большинства, а стальной, явно купленный у белых торговцев. Лезвие было узким и острым, как бритва. Поющий Ветер показал мне, как нужно держать нож под нужным углом, как натягивать кожу, прокалывать ее иглой, как делать ровные, длинные стежки из сухожилий.

Я сидел и смотрел, как завороженный. Его большие, грубые руки, с пальцами, не раз сломанными в суставах во время многочисленных охот, двигались с удивительной, почти женской нежностью. Через несколько минут у него в руках была аккуратно сшитая заготовка.

- Теперь ты, - сказал вождь, протягивая мне нож и кожу.

Я попытался. Руки дрожали от напряжения, стежки выходили кривыми, кожа рвалась в самых неподходящих местах. Поющий Ветер молча смотрел. Иногда он поправлял мою руку, едва касаясь, не говоря при этом ни слова упрека, не вздыхая с досадой. Он просто ждал.

С того дня вождь стал приходить ко мне почти каждый вечер. Мы сидели у типи, и он учил меня тому, что умел сам. Не только шить. Он показывал мне, как разжечь огонь без спичек, используя трут и кремень, как определить по запаху ветра, будет ли дождь, как различить следы койота и волка, как разговаривать с лошадью, чтобы она тебя не боялась. Поющий Ветер был терпелив и суров одновременно. Он никогда не хвалил меня за удачи, но всегда молча кивал, когда я делал что-то правильно. И это молчаливое одобрение было для меня дороже любых слов.

Однажды вечером, когда мы в очередной раз сидели у костра и пили горький отвар из кореньев, я набрался смелости и спросил:

- Почему ты учишь меня? Я же чужой, бледнолицый. Ты не боишься, что я принесу беду?

Поющий Ветер долго молчал, глядя на огонь. Потом заговорил, и хотя я тогда еще не понимал и половины его слов, но смысл уловил сердцем.

- Воин сначала смотрит на след, - сказал он. - Потом на зверя. Потом решает, охотиться или нет. Я смотрел на твой след. Ты пришел один, без оружия, без запасов, без страха в глазах. Ты не молил о пощаде. Ты просто ждал. Тот, кто умеет ждать и не ломаться, сильнее, чем тот, кто громко кричит. Ты - не обычный бледнолицый. Ты - другой. Может быть, духи послали тебя. А учить… - вождь усмехнулся, и впервые в его глазах я увидел не суровость, а что-то похожее на теплоту. - Учить тебя легко. Ты голоден до знаний, как волчонок, который только что открыл глаза. Голодный учится быстрее сытого.

Если Поющий Ветер был моим суровым, мудрым наставником, то его сын по имени Быстрая Река, стал моим братом. Он был молод, лет семнадцати-восемнадцати, полон неуемной энергии и любопытства к миру. В отличие от отца, парень не выжидал и не присматривался. Он пришел ко мне сам на третий день, бесцеремонно заглянул в мое типи, пока я пытался в одиночку справиться с ужином, и, увидев мои мучения, расхохотался.

- Ты еду готовишь или решил поджечь типи Тихой Травы? - спросил он на ломаном английском, который тут же стал нашим общим языком.

Быстрая Река выхватил у меня из рук палку с нанизанным на нее мясом, ловко перевернул ее над углями, отодвинул от жара и через минуту протянул мне обратно идеально прожаренный кусок, подрумяненный снаружи и сочный внутри.

- Ешь. И смотри, как надо. Учись.

Так началась наша дружба. Быстрая Река был для меня всем - переводчиком, учителем, защитником и неутомимым исследователем. Мы часами бродили по окрестностям стойбища, и он показывал мне мир таким, каким его видели его предки тысячелетиями.

Он учил меня понимать травы.

- Это - «корень медведя», - говорил Быстрая Река, выкапывая из земли невзрачный на вид клубень. - Если долго жевать, уходит боль из живота. А это - «язык койота», - он срывал узкий, длинный лист. - Соком лечат раны, чтобы не гнили.

Быстрая Река учил меня слушать тишину.

- Закрой глаза, - приказывал он. - Что слышишь?

Я слышал только ветер и стрекот кузнечиков.

- Нет, - мотал он головой. - Вон там, за холмом, койот воет. Он далеко, но ветер несет его голос. А там, у ручья, медведь разворошил муравейник. Слышишь, как птицы кричат? Они его ругают. Слушай не ушами, Белый Волк. Слушай кожей.

Белым Волком - «Аа-пай-ма-ко́-й» - назвал меня вождь Поющий Ветер за мою непривычную для индейца светлую кожу и, как он говорил, за «взгляд, который видит иначе». Так

ко мне и прицепилось это прозвище, теперь мое единственное имя, и все племя только так и называло меня.

Быстрая Река был моим зеркалом. Во мне он видел мир, о котором мог только мечтать - мир больших городов, железных повозок и птиц, домов из камня, которые выше самых высоких деревьев. Я рассказывал ему про метро, про кино, про войну, которая случится в будущем, про автомобили и самолеты. Он слушал, раскрыв рот, и требовал еще и еще таких необыкновенных и захватывающих сказок, которых никто из индейцев никогда и не слыхивал.

- Там, откуда ты пришел, люди, наверное, разучились охотиться? - спрашивал он.

- Почти, - соглашался я. - Мясо покупают в специальных местах, убивать животных не надо.

- Странно, - качал головой Быстрая Река. - Убить зверя, победить его в честном бою или хитростью - это же и есть жизнь. Без этого человек становится как… как бесполезная тень.

***

В конце лета, когда трава начала желтеть, а дни стали короче, по стойбищу пронеслась весть - разведчики пикуни заметили большое стадо бизонов в двух днях пути к югу. Это было событие, от которого зависела жизнь всего племени. Бизоны давали все: мясо, шкуры для типи и одежды, жир для светильников и лекарств, кости для инструментов, сухожилия для ниток и тетив. Удачная охота означала сытую зиму, а неудачная - голод и смерть.

В стойбище началось лихорадочное оживление. Воины доставали и проверяли оружие, точили наконечники копий, заменяли, при необходимости, тетивы луков. Женщины готовили вьючных лошадей, шили дополнительные мешки для мяса и шкур. Шаман проводил ритуалы, испрашивая у духов удачи. Даже дети были заняты - они таскали воду и собирали хворост для костров.

Я наблюдал за всем этим со стороны, чувствуя себя лишним. Мое место было с Тихой Травой и женщинами, но Быстрая Река вытащил меня к воинам.

- Ты пойдешь с нами, - сказал он.

Это был не вопрос, а утверждение.

- Я? - опешил я. - Я не умею и буду только мешать…

- Не мешать, - поправил Поющий Ветер, который, оказывается, стоял рядом. - Будешь смотреть, учиться, помогать там, где сноровка не нужна, а нужны глаза и руки.

Мне дали лошадь - низкорослую, косматую, с виду неказистую, но невероятно выносливую. Вместо оружия вручили несколько кожаных мешков и велели приторочить их к седлу. Моя задача была проста и унизительна для моей мужской гордости - тащить запасную воду и подбирать то, что упадет с других лошадей во время скачки.

Охотники выступили на рассвете. Отряд из тридцати воинов и десятка юношей, таких как я и Быстрая Река, растянулся цепочкой по прерии. Мы ехали молча, лишь изредка перебрасываясь знаками. Воздух пах полынью, пóтом лошадей и предчувствием большого дела.

На второй день, ближе к вечеру, мы остановились на краю обширной низины. Впереди, за невысокой грядой холмов, угадывалось присутствие огромного стада. Воздух дрожал от далекого, непрекращающегося гула - это тысячи копыт били землю.

Поющий Ветер собрал воинов на совет. Говорили тихо, жестами показывая направление ветра, предполагаемые пути отступления зверей, точки, где должны встать загонщики. Я, разумеется, почти ничего не понимал, но ловил каждое слово, каждый жест, запоминал.

Ночью мы не разводили костров, ели холодное вяленое мясо, запивая водой, лежали в траве, прислушиваясь к дыханию прерии. Быстрая Река, лежавший рядом, шепнул:

- Страшно?

- Нет, - соврал я.

На самом деле мне было страшно до дрожи в коленях. Завтра я должен был участвовать в охоте на огромных, разъяренных зверей, вооруженный только бурдюком для воды.

- Не бойся, - Быстрая Река, кажется, почувствовал мое состояние. - Ты с нами. Мы не дадим тебя в обиду.

Охота началась на рассвете, когда солнце только позолотило края облаков. План был гениален в своей простоте и смертельной опасности. Часть охотников, самых опытных и быстрых, должна была атаковать стадо с флангов, отсекая его от основных масс и заставляя бежать в нужном направлении. Другая часть, включая меня и других подростков, была загонщиками. Нам предстояло, находясь с подветренной стороны, шуметь, размахивать шкурами и создавать видимость большой опасности, направляя испуганных животных к обрыву, где их ждали основные силы.

Мне дали в руки большую, громыхающую связку костей, нанизанных на ремень. Тряся этой трещоткой и истошно крича, я должен был гнать бизонов.

Все произошло слишком быстро. Охотники атаковали, стадо дрогнуло, и земля взорвалась топотом. Сотни, тысячи огромных, мохнатых туш пришли в движение. Грохот стоял такой, что, казалось, сами небеса вот-вот обрушатся на землю. Пыль поднялась стеной, затмевая солнце, въедалась в глаза, в нос, в горло.

Я орал, не слыша собственного голоса, тряс своими импровизированными кастаньетами, и, обезумев от страха и адреналина, гнал бизонов в нужную сторону. Рядом, как тени, мелькали Быстрая Река и другие загонщики. В какой-то момент я оказался слишком близко к краю стада. Мимо, в нескольких метрах, пронеслась огромная туша, я почувствовал жар ее тела, запах взмыленной шерсти, видел налитый кровью, безумный глаз. Еще мгновение - и меня бы сбили с ног, растоптали, смешали с пылью.

Чья-то сильная рука схватила повод моего коня и рванула его в сторону. Умное животное сообразило, что лучше отскочить туда, куда дергают, а мимо, оглушая ревом, пронеслась волна бизонов. Рядом со мной стоял Быстрая Река, тяжело дышащий, но улыбающийся.

- Живой? - крикнул он, перекрывая грохот.

- Кажется… - прохрипел я.

Атака основных сил была стремительна и жестока. Я видел, как охотники, слившись со своими низкорослыми лошадьми, врезались в самую гущу стада. Они действовали не как люди, а как часть единого, смертоносного механизма. Копья вонзались в бока зверей с чудовищной силой, луки били без промаха, поражая сердца и легкие. Бизоны падали, поднимая фонтаны пыли, их предсмертный рев смешивался с боевыми кличами воинов.

Бойня продолжалась, кажется, целую вечность, но на самом деле прошло не больше двадцати минут. Когда последние живые бизоны, те, кому удалось прорваться, скрылись за горизонтом, наступила оглушительная тишина, нарушаемая лишь предсмертным хрипом раненых животных и тяжелым дыханием людей.

Поле битвы было усеяно тушами. Их были десятки, десятки жизней, отданных ради того, чтобы племя могло выжить. Кровь пропитала землю на несколько дюймов, воздух был тяжелым, с медным привкусом.

Я стоял, оглушенный, грязный, дрожащий, и смотрел на это побоище. Во мне боролись два чувства - животный ужас перед масштабом смерти, и странное, первобытное ликование. Но мы победили и этим добыли жизнь.

Однако, отдыхать было некогда. Воины спешились и приступили к работе. Никто не сачковал, не праздновал. Солнце стояло высоко, и каждая минута промедления могла испортить мясо. Началась великая разделка.

Я, шатаясь от усталости, побрел к ближайшей туше. Ко мне подошел Поющий Ветер. Он был весь в крови, его лицо тоже забрызгано ею, но глаза сияли спокойной радостью.

- Подойди ближе, - позвал вождь.

Я подошел. Он вынул нож и, одним точным движением, вскрыл брюхо бизона. Из разреза хлынул пар, пахнуло теплом и внутренностями. Вождь запустил руку внутрь, нащупал что-то и вытащил огромную, темно-красную печень.

- Ешь, - приказал вождь, протягивая мне кусок, еще теплый, дымящийся.

Я сглотнул. Внутри меня все восставало против этого. Я, цивилизованный человек, привыкший к стейкам из супермаркета, должен был есть сырую печень только что убитого зверя?

- Ешь, - повторил Поющий Ветер. - Это жизнь. Сила зверя переходит в тебя. Ты сегодня был в битве. Ты заслужил.

Я взял кусок, зажмурился и откусил. Вкус был ни с чем не сравним. Теплый, солоноватый, чуть металлический, упругий на зубах. Это был не просто вкус еды. Это был вкус первобытной жизни, самой сути существования.

Я открыл глаза. Поющий Ветер одобрительно кивнул и отошел к другим воинам. Я стоял, жевал эту печень, и чувствовал, как что-то меняется во мне навсегда. Кровь на моих руках была не просто грязью. Она была посвящением.

Дорога назад, в стойбище, заняла целых три дня. Охота была настолько удачной, что лошади не могли унести всю добычу. Пришлось соорудить волокуши из жердей и шкур, на которые погрузили горы мяса и свернутые в рулоны тяжелые, пахучие шкуры.

Я ехал в хвосте каравана, измученный, но странно счастливый. Мои руки были в ссадинах и мозолях, спина ныла, но в груди разливалось тепло, которого я не испытывал никогда в своей прошлой, «цивилизованной» жизни. Я был частью этого. Я почти погиб. Я помог. Я ел сырую печень. Я был уже не просто наблюдателем. Я был единым целым с племенем, с окружающим миром.

Когда мы въехали в стойбище, нас встречали, как героев. Женщины издавали пронзительные, ликующие трели, дети бежали за нами, смеясь и крича. Тихая Трава, увидев меня, всплеснула руками и, кажется, впервые улыбнулась мне по-настоящему. Быстрая Река, ехавший рядом, ткнул меня локтем:

- Теперь ты почти свой, Белый Волк. Почти.

В тот вечер пир был грандиозным. Горели огромные костры, жарились лучшие куски мяса, шаман пел благодарственные песни духам бизонов. Меня, к моему удивлению, посадили не где-то на краю, а рядом с воинами. Поющий Ветер, проходя мимо, положил руку мне на плечо и кивнул. Это был знак. Знак принятия.

Я сидел, смотрел на танцующие в свете костра фигуры, слушал гортанные песни, и понимал, что уже не хочу назад. Не хочу в тот мир, откуда пришел. Мой дом был здесь, среди этих людей, с этим запахом дыма и жареного мяса, с этим ощущением настоящей, пусть и опасной, жизни. Я все еще был Игорем Волковым, но во мне уже просыпался Белый Волк. И это пробуждение стало самым странным и самым правильным, что когда-либо со мной случалось.

Глава 3.

Осень в прерии была временем спешки. Птицы сбивались в огромные, шумные стаи и улетали на юг, к теплым морям, о которых я знал лишь по картам из своего времени. Бизоны, еще недавно пасшиеся жирными, ленивыми стадами, стали беспокойными, сбивались в плотные группы и двигались все быстрее, словно чувствуя приближение холодов, неумолимо сковывающих землю ледяным панцирем.

Но Поющий Ветер не спешил. Он был вождем, и его мудрость заключалась в умении ждать. День за днем он выходил на рассвете, вставал на небольшом холме у стойбища и смотрел на небо. Он вглядывался в облака, ловил направление ветра, смотрел, как ведут себя птицы. Потом, вернувшись в свой типи, подолгу говорил с шаманом. Их голоса были тихими, но я чувствовал, что решение принимается нелегкое.

Быстрая Река, чье беспокойство передавалось и мне, нетерпеливо ерзал рядом.

- Отец медлит, - буркнул он однажды, когда мы сидели у костра. - Обычно мы уходим в горы на две луны раньше.

- Может, он ждет какого-то знака? - предположил я.

- Может, - нехотя согласился Быстрая Река. - Но знак этот мне не нравится. Смотри, как ведут себя гуси - они летят низко и быстро, почти не останавливаясь. Это значит, зима придет рано и будет лютой.

Я проследил за его взглядом. Действительно, птицы не кружили над стойбищем, как это бывало в прошлые недели. Они неслись плотными, вытянутыми клиньями, низко над самой землей, словно спасаясь бегством от чего-то, что наступало им на пятки.

Наконец, на третий день наблюдений, Поющий Ветер созвал совет. Я сидел в стороне, но видел, как старшие воины собрались вокруг вождя, как напряжены их лица. Говорили мало, больше слушали вождя. Поющий Ветер указывал на горы, синеющие на горизонте, чертил палкой на земле. Когда совет закончился, все разошлись быстро, без обычных неторопливых разговоров.

- Завтра выступаем, - объявил мне Быстрая Река, подходя. - Дорога будет тяжелой. Готовься.

Сборы были лихорадочными. Женщины разбирали типи, сворачивая покрытия из бизоньих шкур в тяжелые, громоздкие тюки. Дети носились между взрослыми, получая подзатыльники и недовольные окрики. Мужчины седлали лошадей, проверяли вьюки, точили оружие. В воздухе висело странное напряжение, предчувствие чего-то неотвратимого, что мы все ощущали самой кожей, но никто не произносил вслух.

Мне доверили двух вьючных лошадей и велели держаться позади, вместе с женщинами и детьми. Это было унизительно, но я понимал, что еще не воин и мое место в хвосте каравана, среди тех, кого нужно защищать.

- Не отставай, Белый Волк, - сказал мне Быстрая Река, проезжая мимо. - Если начнется буран, легко потеряться. Держись за хвост моей лошади, если что.

- Ты думаешь, будет буран? - спросил я, глядя на чистое, безоблачное небо.

- Гуси знают лучше нас, - ответил он и ударил коня пятками по бокам.

Мы двинулись на запад, к синим громадам Гор Волчьей Головы, названных так, как говорили старые пикуни, за их очертания, похожие на голову огромного зверя, припавшего к земле. Первые дни пути были тяжелыми, но не пугающими. Земля еще хранила остатки осеннего тепла, трава была высокой и сухой, лошади шли бодро.

Но с каждым днем становилось холоднее. Ветер, дувший с севера, менял направление и бил то в лицо, то в спину, неся с собой запах снега и льда - запах, которого я не знал раньше, но теперь узнавал безошибочно. Ночью Тихая Трава кутала детей в самые теплые шкуры, а сама сидела у входа в легкую походную палатку, какие все разбивали, чтобы не тратить время на установку типи, вглядываясь в темноту.

На четвертый день пути небо начало меняться. Облака, сначала легкие и перистые, стали тяжелеть, набухать, приобретать свинцовый, угрожающий оттенок. Ветер усилился, завывая в ущельях предгорий, куда мы вступили на пятый день. Лошади стали нервными, шарахались от каждого шороха, фыркали и мотали головами.

Поющий Ветер, ехавший впереди, все чаще поднимал руку, давая знак остановиться. Он подолгу вглядывался в небо, о чем-то переговариваясь с шаманом. Однажды, когда мы остановились на привал у подножия огромной, голой скалы, я подошел к Быстрой Реке.

- Что происходит? Почему мы не идем дальше?

Парень покачал головой. Лицо его, обычно такое открытое и живое, было напряжено, как тетива лука.

- Отец ищет место. Хорошее место для зимней стоянки. Но горы… они не хотят нас пускать, - индеец посмотрел на вершины, теряющиеся в облаках. - Духи гор сегодня злые. Я тоже чувствую это.

- Может, нам стоит повернуть назад? - спросил я, и вопрос этот выдал мое полное незнание законов выживания в этих местах.

Быстрая Река посмотрел на меня с удивлением.

- Назад? В прерию? Зимой? - он покачал головой. - Там ветер убьет нас быстрее, чем любой дух. Только горы могут укрыть от буранов. Если, конечно, примут нас.

В ту ночь все спали плохо. Ветер выл, метался между скалами, бросал в типи сухой снег, который уже начал падать редкими, колючими звездочками. Я лежал, завернувшись в свою единственную шкуру, и слушал, как где-то в темноте переговариваются воины, как тревожно ржут лошади.

Утром мир стал другим. Все, что вчера было зеленым, серым и коричневым, покрылось тонким, белым покрывалом. Снег лежал на ветвях редких кривых сосен, на скалах, на спинах лошадей, которые стояли, понурив головы, и дышали паром. Воздух стал чистым, прозрачным, и горы, казалось, приблизились, нависая над нами своими каменными, безмолвными стенами.

Поющий Ветер отдал приказ двигаться дальше. Мы вошли в ущелье, где тропа сузилась настолько, что две лошади едва могли разъехаться. Слева вздымалась скала, справа внизу, в темной глубине, шумела быстрая, ледяная река. Каждый шаг давался с трудом. Лошади скользили по камням, покрытым тонкой, невидимой коркой льда. Я шел пешком, ведя свою вьючную кобылу под уздцы, и боялся даже взглянуть в пропасть.

Буран пришел без предупреждения. Всего один миг назад было тихо, и вдруг ветер, до того дувший ровно, сбился в бешеный, оглушительный вихрь. Снег, падавший легкими хлопьями, превратился в стену белой, колючей мглы. Мир исчез. Я перестал видеть тех, кто шел впереди. Крик Быстрой Реки, раздавшийся где-то слева, был тут же разорван ветром на клочки и унесен прочь.

Лошадь подо мной взвилась на дыбы, вырвала повод, шарахнулась в сторону и исчезла в белой пелене, унося с собой вьюк с провизией, который я должен был охранять. Я остался один.

- Быстрая Река! - заорал я, но мой голос утонул в реве бурана. - Поющий Ветер! Эй, кто-нибудь!

Никто не ответил. Снег бил в лицо, слепил глаза, забивал нос и рот. Я споткнулся о камень, упал, вскочил, побежал вперед, не разбирая дороги, чувствуя, как холод пробирается под одежду, как пальцы теряют чувствительность, как ноги отказываются подчиняться.

Я не знаю, сколько времени я блуждал в этом белом аду. Может, час, а может и день. Время перестало существовать. Были только ветер, снег и страх. Ледяной, липкий страх, который сковывал мысли хуже холода. Я потерял направление, потерял надежду, потерял даже понимание, где верх, а где низ.

Я упал вот уже в который раз, и не смог подняться. Ноги не слушались, руки не находили опоры. Я лежал лицом вниз, и снег засыпал меня, укутывал, успокаивал, обещая вечный, ледяной покой. «Хорошо, - подумал я. - Тихо. Тепло. Не надо больше бороться».

И в этот момент чья-то рука схватила меня за шиворот и рванула вверх. Я услышал голос - далекий, но знакомый. Голос, который звал меня, ругал, проклинал, тащил.

- Белый Волк! Вставай, глупый бледнолицый! Вставай, или я оставлю тебя снежным духам!

Быстрая Река - он нашел. Он тащил меня, срывая голос, скользя, падая, но не отпуская. Я чувствовал его тепло рядом, его упрямую, несгибаемую волю. И эта воля передавалась мне, заставляла мои окоченевшие ноги двигаться, заставляла мое тело жить.

Мы шли, падали, снова шли. Я уже ничего не видел, только белое марево перед глазами и спину Быстрой Реки, которая то появлялась, то исчезала в снежной круговерти.

Потом был обрыв. Я понял это, когда нога не нашла опоры, а тело провалилось в пустоту. Мы покатились вниз, ударяясь о камни, о кусты, о корни деревьев, переплетенные льдом. Крик застрял в горле. Я закрыл глаза, готовясь к последнему, смертельному удару.

Удар не пришел. Мы остановились. Я лежал на чем-то мягком, глубоком, укрывающем, как пуховая перина. Снег, много снега. Я попытался открыть глаза, но веки не слушались. Рядом, совсем близко, кто-то дышал - тяжело, хрипло, но ровно.

- Быстрая… Река… - прохрипел я.

- Здесь я, - услышал я в ответ. - Мы живы, Белый Волк. Кажется.

Больше я ничего не запомнил, потеряв сознание.

***

Очнулся я от тишины. Абсолютной, оглушающей тишины. Такой тишины не бывает в городе. В ней слышно, как бьется твое сердце, как воздух проходит сквозь легкие, как снежинки, падая на землю, издают едва уловимый, хрустальный звон.

Я открыл глаза. Надо мной было небо - синее, густое, прозрачное, как стекло. Небо, которого я никогда не видел раньше. Я лежал на спине, укрытый слоем снега, который был мягким, как пух. Рядом, в нескольких шагах, лежал Быстрая Река. Он был неподвижен, и на миг сердце мое остановилось. Но потом я увидел, как поднимается и опускается его грудь, как пар вырывается изо рта.

- Быстрая Река, - позвал я тихо.

Он не ответил. Я попытался сесть. Тело болело, но слушалось. Я перевернулся на бок, встал на четвереньки, потом, опираясь на камень, поднялся.

И замер.

Мы лежали на дне огромной, чашеобразной впадины. Вокруг нас вздымались горы, покрытые снегом, сверкающие на солнце всеми оттенками белого и голубого - от нежно-жемчужного у подножий до ослепительного, почти синего, на вершинах. Долина была замкнута со всех сторон. Выход, через который мы скатились, находился где-то там, наверху, за отвесными скалами. Сейчас он был завален снегом и казался гладкой, недоступной стеной.

Здесь, внизу, не было ветра. Тишина стояла такая, что казалось, можно услышать, как растут травы под снегом. Солнце, стоявшее низко, заливало долину ровным, золотистым светом, который, казалось, сам отдавал теплотой. Воздух был морозным, но не жестоким - горы защищали нас от ветра.

Несколько кривых, скрюченных сосен торчали из снега у подножия скал, их ветви были облеплены снежными шапками. В одном месте, совсем рядом с нами, где скала образовывала навес, зияла темная, манящая дыра. Пещера.

Я поднялся на ноги, добрел до нее и осторожно заглянул внутрь. Небольшая, но сухая, с каменным полом, усыпанным сухим пометом каких-то животных, которые, судя по всему, не возвращались сюда уже много сезонов.

Вернувшись к Быстрой Реке, я опустился на колени, потряс его за плечо.

- Просыпайся. Мы живы.

Он застонал, открыл глаза. Сначала мутные, невидящие, потом - ясные, цепкие, как всегда.

- Где мы? - прохрипел индеец, садясь.

- Не знаю, - честно ответил я. - В какой-то долине. Но, кажется, нас никто здесь не ждал.

Быстрая Река осмотрелся. Его взгляд скользнул по стенам долины, по пещере, по нашим лошадям. О, счастье! Обе, и моя, и его, каким-то чудом скатились вместе с нами и теперь стояли, дрожа, прижавшись друг к другу у отвесной стены, а я их сразу даже и не приметил.

- Долина, - произнес индеец медленно. - Замкнутая со всех сторон.

Он посмотрел на небо, на снежные карнизы, нависающие над нами.

- Выход, похоже, только один. Тот, которым мы вошли. Но он… - Быстрая Река замолчал, глядя на стену, за которой осталось племя, дорога, жизнь.

- Он завален, - закончил я за него. - Мы здесь заперты.

Быстрая Река встал, отряхнул с себя снег. Его лицо было спокойным. Слишком спокойным. Я видел в нем ту же стальную решимость, что и у его отца, когда тот принимал трудные решения.

- Значит, это наша зимняя стоянка, - сказал индеец просто. - Духи гор решили испытать нас, Белый Волк. Они отрезали нас от племени, от еды, от тепла. Оставили вдвоем в каменном мешке, чтобы посмотреть, чего мы стоим, - он повернулся ко мне, и в его глазах не было страха, только холодная, суровая ясность. - Что ж, покажем им, что умеем.

Быстрая Река подошел ко входу в пещеру, заглянул внутрь, постучал по камням, прислушался.

- Сухо. И ветра нет. Это наш дом теперь.

- А что будем есть? - спросил я, оглядывая пустую, заснеженную долину, где не было видно ни единого живого существа, кроме нас и двух дрожащих лошадей.

Быстрая Река посмотрел на меня. Уголок его рта дрогнул в чем-то, похожем на улыбку.

- Сначала огонь и вода, Белый Волк. Потом - еда. Потом - шкуры. Потом - весна, - он ободряюще похлопал меня по плечу. - Мы не умрем. Я не дам. И ты не дашь. Ведь ты - Белый Волк, который выжил там, откуда пришел, а я - Быстрая Река, который выживет везде. Вместе мы - сила!

Я оглянулся на долину, на эти белые, безмолвные стены, на маленькую, темную пещеру, которая теперь должна была стать нашим домом на долгие, долгие месяцы. Внутри меня боролись страх и странное, почти спокойное, принятие. Это было испытание. Возможно, самое тяжелое в моей жизни. Но я был не один. Рядом был человек, который верил в меня и в которого верил я.

- Ладно, - сказал я, чувствуя, как голос мой крепнет. - Начнем, пожалуй. Где будем дрова брать?

Быстрая Река улыбнулся на этот раз по-настоящему, широко, открыто.

- Теперь ты говоришь, как воин, Белый Волк. Буран закончился, так что пойдем, оглядимся.

Мы пошли к ближайшим сосенкам, проваливаясь в снег по пояс, оставляя за собой первые следы в этом белом, нетронутом мире. Наша зима только начиналась. Но мы были готовы.

Глава 4.

Тишина, наступившая после бурана, была не менее оглушительной, чем сам его рев. Она давила на уши, звенела в них обманчивым гулом, заставляла вздрагивать от каждого шороха собственных шагов. Снег лежал везде - пушистым, почти двухметровым покрывалом на дне долины, тяжелыми шапками на ветках редких сосен у скал, свисающими гребнями с каменных уступов. Воздух, чистый и колкий, обжигал легкие при каждом вдохе, и казалось, что сам мороз имеет вкус - вкус металла и сухой травы.

Мы стояли у входа в пещеру, и понимание нашего положения опускалось на нас, как этот холодный, безжизненный воздух. Позади остались племя, знакомые лица, тепло общего костра. Впереди была только белая пустота и каменная стена, за которой, возможно, нас уже оплакивали.

Долина, в которую мы скатились, оказалась не просто впадиной между скал. Это был настоящий каменный мешок, созданный природой для того, чтобы либо спасти заблудших путников, либо уморить их голодом в полном одиночестве. Я принялся изучать ее с тщатель-

ностью человека, который понимал - это место станет нашим миром на многие недели, а может, и на всю зиму.

В длину долина простиралась на пару тысяч шагов, не больше. В ширину - вдвое меньше. С трех сторон ее окружали почти отвесные скальные стены, сложенные из серого, с прожилками кварца, камня. Кое-где на этих стенах, на высоте, недоступной для человека без специального снаряжения, темнели узкие расщелины - возможно, входы в другие пещеры или просто слепые ниши, выдутые ветрами за тысячи лет.

С четвертой стороны, откуда мы сюда попали, склон был более пологим, но сейчас он представлял собой сплошной, искрящийся на солнце ледяной панцирь. Снег здесь, надутый ветром, спрессовался в фирн - плотную, зернистую массу, по которой невозможно было подняться без специальных приспособлений. Лошади, даже самые выносливые, не смогли бы сделать и десяти шагов.

- Мы в ловушке, - снова констатировал я, оглядывая стены. - Настоящей, каменной ловушке.

- Не ловушка, - опять возразил Быстрая Река, который тоже внимательно осматривал окрестности. - Убежище. Присмотрись повнимательнее.

Он указал на скалу справа от входа в пещеру, а потом махнул рукой на всю долину. У самого основания скалы, где снега намело меньше, виднелись темные пятна - мох или лишайник. Рядом, в небольшом углублении, я заметил кустик сухой, прошлогодней травы, прибитой ветром к камню. В долине росли кривоватые сосенки, невысокие елки, еще какие-то деревца, тут и там пробивался из-под снега кустарник.

- Если здесь что-то растет, значит, летом здесь тепло и есть вода, - пояснил он. - А если есть вода, то есть и жизнь. Мы совсем не одни в этой долине.

Я присмотрелся. Действительно, у подножия скал, там, куда солнце заглядывало хотя бы на несколько часов в день, виднелись и другие следы растительности: сухие стебли каких-то горных трав, низкорослый, стелющийся кустарник, прижатый к земле тяжестью снега. А в одном месте, у большого, замшелого валуна, я даже разглядел нечто, похожее на заячий след - цепочку аккуратных, округлых отпечатков, ведущих к скале и теряющихся под снежным навесом.

- Зайцы! - удивленно воскликнул я, показывая следы Быстрой Реке.

Он кивнул, и в его глазах мелькнул тот самый охотничий огонь, который я уже начинал узнавать.

- Значит, будет и мясо. Если мы будем умнее зайца.

Но главным сокровищем долины, как я понял чуть позже, была не растительность и не возможная дичь. Главным сокровищем был ручей, который мы обнаружили при обследовании территории.

Он выбивался из-под скалы на противоположном конце долины, там, где стена образовывала глубокую, темную нишу. Сначала я принял его за простое пятно талой воды, но, подойдя ближе, услышал тихое, настойчивое журчание. Вода сочилась из расщелины, падала в небольшой, вымытый ею же омуток и убегала под снег, чтобы через несколько шагов исчезнуть совсем, уходя, вероятно, под землю или в более глубокий слой, который не промерзал даже в самые лютые морозы.

Я зачерпнул воду пригоршней, поднес к лицу - запах был чистым, живым, как обещание жизни в этом царстве мертвого льда. Вода была ледяной, прозрачной, с едва уловимым привкусом металла и мха.

- Питье есть, - сказал я, обращаясь к Быстрой Реке. - Это уже много.

Покончив с внешним осмотром, мы занялись главным - нашим будущим жилищем. Пещера, которую я заметил еще с порога долины, оказалась не просто углублением в скале, а настоящим, пусть и не очень большим, гротом.

Вход в нее был невысоким - чуть выше моего роста, но достаточно широким, чтобы в него могли пройти две лошади бок о бок. Я отважно вошел первым, Быстрая Река - за мной, держа наготове нож. Внутри было темно, но не сыро. Каменный пол, усыпанный мелкой каменной крошкой, песком и сухим, давно выветрившимся птичьим и звериным пометом, был твердым и сухим. Стены, влажные на ощупь в прихожей, глубже становились суше, покрытые темным, блестящим налетом - вероятно, оксидами металлов, содержавшихся в породе.

Мы прошли вглубь шагов на десять. Пещера сужалась, но не закрывалась совсем - в конце виднелся небольшой лаз, уходящий куда-то в темноту. Я заглянул в него - тянуло холодом, но не сквозняком, а просто неподвижным, спертым воздухом глухой каменной полости.

- Туда потом, - сказал Быстрая Река, оценивающе оглядываясь. - Сначала нужно сделать здесь жилье. Опасаться, похоже, нечего - звериный помет совсем старый.

Мы вернулись ко входу. Свет падал сюда только на несколько метров, дальше царил полумрак. Но для жилья это было идеальное место. Стены защищали от ветра, каменный свод - от снега, а пол, если его застелить шкурами и лапником, мог стать вполне сносной постелью.

- Огонь будем разводить у входа, - решил Быстрая Река, показывая на площадку перед пещерой, прикрытую сверху небольшим скальным козырьком. - Дым будет уходить наружу, а тепло - задерживаться внутри. Если, конечно, ветер не переменится.

Он был прав. Разводить костер в глубине пещеры было самоубийством - дым задушит нас быстрее холода. Но и у самого входа, без защиты, огонь будет задувать ветром. Козырек над входом был подарком судьбы - он создавал естественный навес, под которым пламя могло гореть ровнее.

Первым делом мы занялись дровами. Рядом их было совсем немного - несколько кривых, сухих сосенок у подножия скал, да валежник, нанесенный ветром в расщелины. Мы с Быстрой Рекой, вооружившись каменными топорами (настоящих у нас не было, и мы смастерили их на скорую руку, привязав острые обломки к палкам ремнями от упряжи), принялись за работу.

Работа была тяжелой и непривычной. Каменное лезвие быстро тупилось, приходилось то и дело останавливаться, чтобы подправить его другим камнем. Но мы упрямо рубили, таскали, складывали. К вечеру у входа в пещеру выросла порядочная поленница - запас на несколько дней.

Наши лошади, верные спутники, пережившие и буран, и падение с пологого обрыва, стояли у стены, прижавшись друг к другу, и дрожали. Не столько от холода - их густые зимние шкуры неплохо защищали от мороза, - сколько от страха и непонимания, где они очутились.

- Их нужно накормить, - сказал Быстрая Река, подходя к животным. - И напоить.

Он погладил свою лошадь по морде, что-то тихо зашептал ей на ухо. Лошадь, сначала шарахнувшаяся, постепенно успокоилась, ткнулась носом в его плечо. Я последовал его примеру, подойдя к своей. Она смотрела на меня большими, темными глазами, в которых читалась покорность судьбе и странная, животная благодарность за то, что ее не бросили.

- И чем их кормить? - спросил я. - Травы нет, сена нет.

- Будем рубить ветки, - ответил Быстрая Река. - Ивы и осины. Лошади любят кору. А если повезет, найдем под снегом сухую траву - там, где ветер сдул снег до земли.

Мы срубили несколько молодых осинок, растущих у ручья, ободрали с них кору, наломали тонких веток. Лошади, почуяв еду, оживились, зафыркали, начали жевать с жадностью, поглядывая на нас с надеждой.

- Это ненадолго, - вздохнул я.

- На первое время хватит, - ответил Быстрая Река. - А потом… потом будем думать.

Воды лошадям мы натаскали из ручья в самодельных кожаных ведрах - их мы смастерили из обрезков шкур от попон, скрепив упряжными ремнями. Животные пили долго, жадно, поднимая головы лишь затем, чтобы перевести дух.

- Теперь они продержатся какое-то время, - сказал Быстрая Река, когда лошади, напившись, успокоились и начали переступать с ноги на ногу, согреваясь. - Но если мы не найдем им нормальной еды, то скоро они превратятся в скелеты или подохнут вовсе.

Пока было светло, мы продолжали работать. Нужно было успеть сделать как можно больше - с наступлением темноты работать станет невозможно, а костер даст лишь немного света у входа.

Быстрая Река занялся очагом. Он выбрал место под самым козырьком, в метре от входа в пещеру, и выложил его камнями - ровным, аккуратным кругом. Внутрь он насыпал мелких, сухих веток, сверху - щепу, наструганную ножом, и несколько крупных поленьев.

- Дай огниво, - попросил я, когда друг закончил приготовления, намереваясь разжечь костер.

Быстрая Река хмыкнул и вынул из своей сумки маленький кожаный мешочек. Внутри лежали кремень, кресало и даже трут - высушенный гриб-трутовик, который он всегда носил с собой на всякий случай. Но огонь индеец все же решил развести сам, не надеясь, видимо, на мои навыки.

Я смотрел, как он ловко высекает искры, как трут начинает дымиться, как он бережно раздувает его, поднося к сухой траве. Да, я так быстро не сумею. Огонек лизнул щепу, она затрещала, разгораясь. Через минуту у входа в пещеру горел небольшой, но уверенный костер, отбрасывая пляшущие тени на стены.

- Тепло, - сказал я, протягивая руки к огню. - Это уже много.

- Это все, - поправил меня Быстрая Река. - Без огня мы умрем. С огнем - будем жить. Пока есть дрова.

Мы сидели у костра, грелись, молчали. Усталость навалилась тяжелой, свинцовой тяжестью. Тело болело, мышцы ныли, голова гудела. Но внутри, где-то глубоко, теплилась странная, упрямая надежда. Мы живы. Мы нашли убежище. У нас есть вода, огонь и, пусть скудная, но еда.

- Завтра нужно осмотреть пещеру до конца, - сказал Быстрая Река, прерывая молчание. - Тот лаз в глубине… он может вести куда-то. Может, там есть выход. Или хотя бы еще одна комната, суше и теплее.

- А если там нет выхода? - спросил я, зная, впрочем, ответ.

- Тогда будем жить здесь, - Быстрая Река посмотрел на меня, и в его глазах не было сомнений. - Мы пережили буран. Переживем и зиму.

Я кивнул. Слова были лишними. Мы оба знали, что нас ждет. Холод, голод, одиночество. Но мы были вместе, а вместе - мы сила.

Ночью легли спать у входа в пещеру, положив под себя охапки лапника, набранного у елей, и укрывшись единственной шкурой, которая у нас чудом сохранилась. Костер прогорел до углей, но камни очага еще хранили тепло, отдавая его и в каменный пол.

Я лежал, смотрел на звезды, видневшиеся в просвете между скальными стенами, и думал. Думал о том, как странно складывается моя жизнь. Еще несколько месяцев назад я сидел в уютной квартире, пил кофе, смотрел телевизор. А теперь я здесь, в каменном мешке, посреди заснеженных гор, и единственное, что отделяет меня от смерти, - это костер, друг-индеец и упрямая, глупая надежда.

Но странное дело - я ни о чем не жалел. Не жалел о том дне в антикварной лавке, о том, что взял в руки тот проклятый тотем. Потому что здесь, в этой первобытной, жестокой реальности, я впервые почувствовал себя живым. По-настоящему, до костей, до крика.

Я закрыл глаза и провалился в сон - тяжелый, без сновидений, похожий на смерть.

Утро разбудило меня холодом. Костер давно погас, угли покрылись белым налетом пепла. Дыхание вырывалось изо рта облачками пара. Рядом, свернувшись калачиком, спал Быстрая Река, его лицо, спокойное во сне, казалось почти детским.

Я не стал его будить, выбрался из-под шкуры, подошел к выходу из пещеры.

Долина встретила меня ослепительной, нестерпимой белизной. Солнце, только что поднявшееся из-за гор, заливало снег розовым, золотым светом. Каждая снежинка искрилась, переливалась, как маленький бриллиант. Воздух был таким прозрачным, что горы на противоположной стороне долины казались на расстоянии вытянутой руки.

Я постоял, вдыхая этот холодный, сладкий воздух, чувствуя, как он обжигает легкие. Потом пошел к ручью, зачерпнул воды, умылся. Вода обожгла лицо, но это было приятное, бодрящее ощущение.

- Просыпайся, - сказал я, вернувшись в пещеру и потряс Быструю Реку за плечо. - День начинается, нам нужно работать.

Он открыл глаза, и в них, как всегда, была ясность и спокойствие.

- Работать, - повторил он, садясь. - Хорошее слово. Белый Волк учится говорить, как воин.

Мы разожгли костер, согрели в котелке воду, бросили в нее горсть сушеных ягод - последний запас, который уцелел в моей сумке. Пили горячий, кисловатый отвар, жевали жесткое, вяленое мясо - тоже остатки дорожного пайка.

- Этого надолго не хватит, - сказал я, жуя. - Дня на три, если экономить.

- Значит, за три дня мы должны найти еду, - ответил Быстрая Река. - Или добыть ее.

Он допил отвар, практически облизал кружку и встал.

- А теперь - в пещеру. Надо посмотреть, что там, в глубине. Может, духи приготовили нам сюрприз.

Мы взяли по самодельному факелу - смолистые сосновые ветки, обмотанные сухой травой, - зажгли их от костра и двинулись в темноту.

Лаз, который мы заметили вчера, оказался шире, чем казалось на первый взгляд. За узким проходом открывался еще один грот - поменьше первого, но с более высоким сводом. Здесь было темно, сыро и холодно. Стены блестели от влаги, с потолка капала вода, мерно и уныло.

- Ничего, - разочарованно сказал я, оглядываясь.

- Подожди, - Быстрая Река поднял факел выше, освещая дальний угол.

Там, где стена расходилась, образуя еще один, совсем узкий проход, я заметил нечто странное. Не камень, не лед. Что-то темное, прямоугольное, как будто прислоненное к стене.

Мы подошли ближе.

Это был ящик. Деревянный, грубо сколоченный, с проржавевшими железными уголками. Рядом - еще один, поменьше. А за ними - сверток из брезентовой ткани.

- Кто-то был здесь до нас, - сказал Быстрая Река, и в его голосе прозвучала тревога. - И не так, чтобы давно.

Я открыл первый ящик. Внутри, аккуратно уложенные в солому, лежали консервные банки с запаянными свинцом швами. Естественно, не индейские припасы. Фабричные банки, с выцветшими черно-белыми этикетками на английском. Свинина, бобы, галеты.

- Еда, - выдохнул я. - Целая куча еды. Банки не ржавые и не вздувшиеся - всё должно быть съедобно!

Второй ящик оказался меньше. В нем, завернутые в промасленные тряпки, лежали инструменты: топор, пила, молоток, гвозди, несколько сверл. А в брезентовом тюке - одеяла, теплые, шерстяные, и парусиновая палатка.

Мы переглянулись. Удача, невероятная, почти пугающая, улыбнулась нам. Кто-то, возможно, старатели или охотники, спрятали здесь свои запасы и по какой-то причине не вернулись за ними. И теперь эти запасы стали нашими.

- Это не духи, - сказал Быстрая Река, и в его голосе не было радости, только настороженность. - Это люди. Белые люди. Они могут вернуться.

- Могут, - согласился я. - Но пока они не вернулись, это все наше. И это наше спасение.

Мы не стали трогать ящики, только взяли топор, пилу, несколько банок и пару одеял. Решили, что сначала обустроим главную пещеру, а потом, когда время позволит, разберем клад.

День пролетел незаметно. Мы таскали лапник, устилали им пол пещеры, делая лежанки. Растянули палатку, найденную в тюке, на деревянных кольях, вбитых в стены - получилась импровизированная перегородка, отделяющая спальную зону от входа.

Консервы открыли к вечеру. Свинина, жирная, соленая, пахнущая дымком, показалась мне самым вкусным блюдом в жизни. Мы ели молча, деревянными ложками, вырезанными наскоро, прямо из жестяных банок, и чувствовали, как силы возвращаются.

- Завтра займемся лошадьми, - сказал Быстрая Река, вытирая губы тыльной стороной ладони. - Нужно найти для них место и еду.

- А пещера? - спросил я, кивая в сторону лаза.

- Пещера подождет, - он посмотрел на темнеющее небо за входом. - Главное, что мы живы, сыты и у нас есть крыша над головой. Остальное - потом.

Я кивнул. Друг был прав. Мы сделали первый, самый важный шаг. Мы выжили. И теперь, шаг за шагом, день за днем, мы будем строить свою жизнь в этом каменном мешке, надеясь, что весна придет раньше, чем закончатся наши силы.

В глубине души, где-то очень глубоко, я надеялся, что те, кто оставил здесь ящики, не вернутся. Потому что их возвращение означало бы, что мы здесь не одни. А в этом мире, на краю земли, одиночество иногда бывает лучшей защитой.

Глава 5.

Прошло несколько дней с тех пор, как мы обнаружили тайник с припасами. Позже мы тщательно осмотрели пещеру, но к нашему великому сожалению, ничего больше в ней не нашли - никаких других тайников и никакого дополнительного выхода. Консервы, одеяла и инструменты были, конечно, бесценной находкой, но мы понимали - это лишь временная передышка. Зима только начиналась, и ее дыхание становилось все холоднее с каждым утром. Нужно было учиться жить здесь, в нашей каменной ловушке, своими силами, не надеясь на случайные дары судьбы.

Наших лошадей, верных спутников, дрожащих и запуганных, мы разместили под каменный навес у входа в пещеру, где снега было совсем мало. Здесь Быстрая Река расчесал им спутанные гривы скребком из рога оленя, который всегда носил с собой, а я, тем временем, следуя его указаниям, сбил оставшийся снег и расчистил площадку шире, чтобы лошадям было где нормально стоять. Кормить их мы продолжали ветками и корой, и это тревожило больше всего. Их судьба, я понимал, теперь была неразрывно связана с нашей.

Я просыпался теперь не от будильника, а от холода. Холод проникал в самые кости, заставлял сворачиваться калачиком, поджимать колени к животу, прятать нос в шерстяное одеяло. Но стоило открыть глаза, как первым делом я смотрел на очаг. Если угли еще тлели, если от них тянулась тонкая струйка дыма, значит, ночь прошла хорошо. Если же очаг был серым и мертвым, нужно было вставать и разводить огонь заново, дрожащими, негнущимися пальцами высекая искры из кремня.

Однако, Быстрая Река почти всегда просыпался раньше меня. Он тихо, как тень, выскальзывал из-под своего одеяла, подходил к очагу, бережно раздувал угли, подкладывал мелкие щепки. Я лежал и смотрел на него, на его плавные, экономные движения, и завидовал его умению не тратить силы на лишнее. Для него холод, голод, опасность были не врагами, а просто частью жизни, которую нужно принимать и с которой нужно договариваться.

- Вставай, Белый Волк, - говорил он, не оборачиваясь. - Огонь готов. Вода греется. День будет коротким, а дел много.

И я вставал. Мы пили горячую, чуть сладковатую воду, потому что берегли последние запасы сахара, как зеницу ока, экономя, жевали по галете, съедали по ложке бобов и свинины из банок, которых оставалось все меньше, и выходили из пещеры.

Мир за порогом был ослепительным и безмолвным. Снег, выпавший за ночь, покрывал долину свежим, нетронутым покрывалом. Ни следа, ни звука. Только ветер, изредка налетавший сверху, сдувал снежную пыль с верхушек скал, и она искрилась в лучах утреннего солнца, как алмазная крошка.

Я стоял на пороге, вдыхал морозный воздух, и в голову лезли странные, нелепые мысли. В прошлой жизни я бы сейчас пил кофе с бутербродом, листал ленту новостей, жаловался на пробки. А здесь… здесь каждое утро было победой. Просто потому, что я проснулся. Просто потому, что сердце еще билось.

Главное дело - дрова. Без них мы умрем. Это стало нашей мантрой, нашим законом. Каждый день мы рубили, таскали, складывали. Дров должно было хватить не на сегодня, не на завтра, а на недели вперед. Ведь наступит день, когда буран не даст выйти из пещеры, и тогда запас топлива станет вопросом жизни и смерти.

Я брел к ближайшей рощице кривых сосен, увязая в снегу по пояс. Лошадей мы не брали - они и так были слишком слабы. Я тащил на себе топор, пилу (наши драгоценные трофеи из тайника), веревку из сыромятной кожи и собственную волю, которой приходилось подстегивать себя, как ленивую лошадь.

Рубка дров была адской работой. Сосны были сухими, но их древесина, промороженная насквозь, звенела под ударами топора, как стекло. Каждый удар отдавался в руках, в плечах, в позвоночнике. Через час такой работы я выматывался так, будто пробежал марафон, но останавливаться было нельзя.

- Ты слишком сильно бьешь, - сказал однажды Быстрая Река, наблюдая за мной. - Дерево само знает, где ему легче расколоться. Нужно не бить, а уговаривать. Чувствовать.

Он взял топор и, почти не замахиваясь, точным, коротким ударом расколол полено, которое я мучил уже десять минут. Я смотрел на его руки - грубые, с искривленными пальцами - и не понимал, как в них может быть столько точности и силы одновременно.

- Ты научишься, - сказал он, видя мое недоумение. - Просто нужно время. И терпение. У нас есть и то, и другое.

Мы складывали дрова у входа в пещеру, в специально отведенном месте, прикрытом навесом из шкуры. Поленница росла, и с каждым новым поленом в душе поселялось странное, почти животное чувство безопасности. Еда - это жизнь. Огонь - это жизнь. Дрова - это огонь. Значит, дрова - это жизнь. Простая, грубая, но понятная логика.

С каждым днем консервов из тайника оставалось все меньше, и мы решили беречь их на самый крайний случай - вдруг наступит время, когда другой еды не будет вовсе. Нужно было добывать пищу здесь и сейчас.

Быстрая Река, изучив следы на снегу, нашел несколько заячьих троп. Они вились у подножия скал, где ветер сдувал снег, обнажая пожухлую, прошлогоднюю траву и мелкие камешки. Зайцы-беляки, поменявшие летнюю шубку на белую, зимнюю, были почти невидимы на снегу, но их следы - аккуратные, округлые отпечатки - выдавали их присутствие.

- Будем ставить петли, - сказал Быстрая Река, доставая моток тонкого, прочного ремня, нарезанного и сплетенного им из краев нашей единственной шкуры.

Он показал мне, как завязывать скользящий узел, как крепить петлю к колышку, вбитому в землю, как маскировать ее ветками и снегом, чтобы заяц не заметил ловушку. Работа была кропотливой, требующей терпения и аккуратности. Каждая петля должна была стоять

так, чтобы зверь, пробегая по тропе, обязательно просунул в нее голову. И тогда - рывок, узел затягивается, и… заяц либо задохнется, либо будет ждать, пока мы придем.

Мы поставили с десяток таких петель и проверяли их два раза в день - утром и вечером.

Первые два дня ловушки оказывались пусты. Я начал нервничать, проклинал свою неумелость, зайцев, погоду, духов. Быстрая Река молчал. Он просто ходил по тропе, осматривал петли, поправлял их, переставлял на полшага в сторону.

- Почему они не попадаются? - спросил я в сердцах.

- Потому что они умнее тебя, - спокойно ответил он. - Пока. Но скоро голод сделает их глупее, а нас - терпеливее.

На третий день удача улыбнулась нам. Утром, подходя к дальней петле, я увидел, что она натянута, как струна. А в сугробе, метрах в двух, билось что-то белое, пушистое.

- Быстрая Река! - закричал я. - Сюда!

Мы подбежали. Заяц, молодой, упитанный, запутался в петле, но не задохнулся - узел затянулся на туловище, и зверек, обезумев от страха, метался в снегу, пытаясь освободиться.

Быстрая Река одним движением схватил его за задние лапы, вниз головой, и резко дернул. Хруст позвонков был коротким и сухим. Заяц побился в агонии пару секунд и затих.

- Первый, - сказал Быстрая Река, поднимая добычу. - Будут и остальные.

В тот день мы поймали еще двух. Целых три зайца - это огромное богатство, пир, почти чудо. Вечером мы сидели у костра, жарили мясо на палках, и жир капал в огонь, шипел и вспыхивал маленькими, пахучими искрами.

- Заяц - это мало, - сказал я, жуя. - Но это лучше, чем ничего.

- Заяц - это начало, - поправил меня Быстрая Река. - Заяц - это надежда, а надежда - это тоже еда. Для души.

Но главной нашей проблемой были не зайцы и даже не дрова. Главной проблемой стали лошади.

Они топтались у стены пещеры, понурые, исхудавшие. Ребра проступали под шкурой, глаза потускнели, дыхание стало тяжелым, прерывистым. Мы кормили их корой и ветками, иногда подсыпали в кормушку горсть сухой травы, которую умудрялись наскрести из-под снега на южных склонах, но этого было катастрофически мало. Лошади худели на глазах, и я видел, как Быстрая Река, глядя на них, хмурится все сильнее.

- Они не переживут зиму, - сказал он однажды вечером. - Даже если мы отдадим им всю нашу еду. Они слишком слабы, чтобы выжить.

Я молчал. Я понимал, к чему он клонит, но не хотел произносить это вслух.

- Если они умрут сами, их мясо будет тощим, жестким, почти бесполезным, - продолжил он. - Если мы… поможем им сейчас, пока в них еще есть сила, мы получим еду на много недель. И шкуры. Теплые, прочные шкуры.

- Ты хочешь убить их? - спросил я, хотя ответ уже знал.

- Пока только одну, - ответил индеец, глядя мне прямо в глаза. - Я хочу, чтобы мы выжили. Лошади - наши братья. Я не хочу их смерти. Но если они умрут, а мы следом - какая в этом честь для них? Их смерть должна дать нам жизнь. Это закон. Звериный закон.

Я не спал всю ночь. Лежал на своей лежанке, слушал, как лошади переступают с ноги на ногу, как тихо, жалобно ржут во сне. Я вспоминал свою кобылу - как она несла меня через прерии, как фыркала, когда я неуклюже садился в седло, как тыкалась мордой в плечо, выпрашивая вкусный корешок. Коренья давно-давно кончились. И она, наверное, уже забыла их вкус.

Утром я сказал Быстрой Реке:

- Давай. Но сделаем это быстро. И без боли.

Мы выбрали мою лошадь. Она была слабее, и Быстрая Река объяснил, что если оставить ее, она умрет первой, мучительно, долго. А его лошадь, более крепкая, возможно, протянет еще немного.

Я держал лошадь за уздечку, гладил ее по морде, шептал что-то бессмысленное, успокаивающее. Она смотрела на меня своими большими, темными глазами, и в них не было страха. Только доверие и усталость.

Быстрая Река встал сбоку. В его руке блеснул нож - длинный, острый, тот самый, что мы нашли в тайнике.

- Отвернись, - сказал он.

- Нет, - ответил я. - Я должен видеть. Это моя лошадь и моя ответственность.

Индеец кивнул и, не медля больше ни секунды, одним точным, сильным движением вонзил нож в шею лошади, чуть ниже затылка, туда, где заканчивается череп и начинается позвоночник. Лошадь вздрогнула, всхрапнула, и ее ноги подкосились. Она упала на бок, без звука, без агонии. Все было кончено быстрее, чем я успел моргнуть.

Кровь хлынула из раны, теплая, парящая на морозе, и быстро впитывалась в снег, окрашивая его в розовый, а потом в густо-красный цвет. Рядом, привязанная к стене, вторая лошадь забилась, заржала, замотала головой - она почуяла запах крови, запах смерти, и паника охватила ее.

- Успокой ее, - сказал Быстрая Река, вытирая нож о снег. - А я начну разделку.

Я подошел к оставшейся лошади. Она дрожала, глаза ее были белыми от страха. Я обнял ее за шею, прижался щекой к теплой, пахнущей потом и сеном шерсти, и заговорил. Говорил тихо, спокойно, без смысла - просто звуки, просто присутствие. Постепенно она успокоилась, перестала биться, только вздрагивала всем телом, когда доносился звук ножа, разрезающего шкуру ее подруги.

Разделка заняла весь день. Быстрая Река работал с какой-то мрачной, сосредоточенной тщательностью, как хирург. Он снял шкуру, аккуратно, почти не повредив ее, выпотрошил тушу, отделил мясо от костей, жир - от мяса. Я помогал, как умел - держал, подавал, уносил. Внутри меня была пустота. Не боль, не жалость. Просто пустота. Я делал то, что нужно было делать, и старался не думать ни о чем.

Вечером у нас были горы мяса. Мы развесили его на деревянных рамах, которые смастерили из веток, и поставили в глубине пещеры, где было прохладно и сухо. Часть мяса закоптили над костром, часть - засолили в самодельном рассоле (соль у нас была, нашлась в сундуке с консервами). Жир вытопили в котелке и слили в кожаный мешок - он будет нужен для еды, для светильников, для выделки шкур.

А шкура… Шкура лошади была нашим вторым сокровищем. Теплая, прочная, с густым, хотя и коротким, ворсом. Мы растянули ее на раме и начали долгий, муторный процесс выделки.

Это была работа, которую я возненавидел всей душой. Шкуру нужно было очистить от остатков мяса и жира, выскребая их тупым скребком из кости. Потом натереть смесью из мозга (того самого, что мы извлекли из черепа несчастной лошади) и жира, чтобы кожа стала мягкой. Потом - мять, тянуть, скоблить снова, и так без конца.

Шкура воняла. Воняла так, что у меня кружилась голова, а желудок подступал к горлу. Быстрая Река работал, не обращая внимания на запах. Для него это был просто запах работы, такой же естественный, как запах дыма или мокрой шерсти.

- Не ной, - сказал он, видя мое страдальческое лицо. - Шкура - это наша одежда, наша постель, наша защита от холода. Хочешь замерзнуть - брось, а хочешь жить - работай.

И я работал. Час за часом. День за днем. Руки болели, спина ныла, пальцы покрылись трещинами, в которые забивался жир и грязь. Но постепенно, очень медленно, шкура менялась. Она становилась мягче, податливее, переставала пахнуть так отвратительно. А когда мы наконец прокоптили ее над дымным костром из сырых веток, она приобрела тот самый, знакомый запах - запах дыма, дома, безопасности.

- Теперь это хорошая шкура, - сказал Быстрая Река, ощупывая ее. - Из нее можно сделать одежду. Или одеяло. Или и то, и другое.

Я смотрел на свои руки - грязные, потрескавшиеся, но сильные. Я сделал это. Я, городской человек, который раньше покупал одежду в магазине, собственными руками выделывал шкуру. Это было странное, почти мистическое чувство. Гордость? Да. Но не только. Это было чувство взросления, превращения. Я становился другим.

***

Однажды, когда мы проверяли заячьи петли, я заметил на снегу следы. Не заячьи, не лисьи. Крупные, округлые, с четкими отпечатками когтей. Они вели от скалы к ручью и обратно.

- Быстрая Река, - позвал я. - Смотри.

Индеец подошел, наклонился, долго изучал следы. Потом выпрямился, и его лицо стало напряженным, каменным.

- Снежный барс, - сказал он. - Ирбис. Он живет высоко в горах, охотится на горных баранов и зайцев. Но если он голоден… он может прийти и за нами.

- За нами? - переспросил я, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

- Или за лошадью, - кивнул индеец в сторону пещеры. - Он не нападет на человека, если не будет ранен или загнан в угол. Но… - Быстрая Река замолчал, думая. - Но теперь мы знаем, что он здесь. Будем осторожны.

Следы ирбиса стали нашим постоянным напоминанием о том, что мы не одни в этой долине. Кто-то еще бродит по ночам, высматривает добычу, ждет своего часа. Мы стали чаще оставлять костер гореть на ночь, разводили его побольше, чтобы свет отпугивал хищника. Лошадь теперь заводили в самую глубину пещеры, вход загораживали ветками.

Но ирбис не приближался. Только следы, каждое утро свежие, говорили о том, что он все еще здесь. Он был тенью, призраком, хозяином этих гор, который терпел нас пока, но мог и прогнать.

Несмотря на все трудности, страхи и усталость, у нас был один момент в сутках, который я ждал с нетерпением. Вечер. Костер. Тишина.

Мы сидели у огня, пили горячую воду с травами (я научился заваривать сушеные листья, которые находил под снегом), и разговаривали. Не о том, что будет завтра. Не о том, как выжить. О чем-то другом. О небе, о звездах, о жизни, которая была у каждого до всего этого.

- Расскажи еще о своем мире, - просил Быстрая Река.

И я рассказывал. О городах, где живут миллионы людей в каменных домах, стоящих вплотную друг к другу. О железных птицах, летающих выше облаков. О коробках с движущимися картинками, которые показывают истории. Он слушал, иногда задавал вопросы - странные, детские, но такие точные.

- А в вашем мире люди счастливы? - спросил Быстрая Река однажды.

- Не знаю, - честно ответил я. - Одни - да. Другие - нет. Как и здесь.

- Здесь, - сказал индеец, глядя на огонь, - счастье простое. Ты жив. Ты сыт. Твоя семья рядом. Всё. А в вашем мире, наверное, счастье сложное. Его нужно искать. Или покупать.

Я задумался. Он был прав. В моем прошлом мире счастье измерялось деньгами, статусом, вещами. А здесь… здесь счастье измерялось теплом костра, куском мяса в животе, возможностью увидеть еще один рассвет.

- Может, поэтому я здесь, - сказал я тихо. - Чтобы научиться настоящему счастью.

- Может быть, - кивнул Быстрая Река. - Духи иногда приводят людей туда, где им нужно быть, а не туда, где они хотят.

Мы замолчали. Костер потрескивал, угли светились теплым, красным светом. Где-то далеко, в темноте, завыл ветер. Или, может, ирбис. Но мне было все равно. Я был дома. В странном, холодном, опасном доме. Но дома.

Мы просыпались, и каждый день был похож на предыдущий. Дрова, вода, еда, проверка петель, работа со шкурой или заготовка дров. Монотонно, тяжело, безрадостно. Но в этой монотонности была своя мудрость. Мы не жили - мы выживали. И это выживание стало нашей религией, нашим смыслом.

Постепенно пещера преображалась. У нас появились полки из плоских камней, где мы хранили припасы. Из глины, которую я наковырял у ручья, мы слепили миски и, обжегши их на костре, получили грубую, но вполне годную посуду. Из костей убитой лошади Быстрая Река вырезал иглы, шилья, наконечники для стрел.

Мы становились не просто двумя заброшенными в горах людьми. Мы становились хозяевами этого места. Мы учили его, а оно учило нас. И в этом обучении, в этой взаимной, молчаливой борьбе, было что-то древнее, первозданное, что заставляло мое сердце биться чаще, а глаза - смотреть на мир по-новому.

Я больше не был Игорем. Я был Белым Волком. И этот новый я, рожденный в снегах, закаленный в огне, выкованный из голода и страха, был сильнее, чем старый я. Намного сильнее.

Глава 6.

Итак, наш быт в пещере обрел подобие ритма. Утро начиналось с возрождения огня. Затем - проверка силков на склоне, где проходили заячьи тропы. Часто они были пусты, иногда в них бился испуганный беляк, и это был праздник. Дрова, вечные дрова… Я уже знал каждое дерево в долине, каждую сухую ветку. Склад в пещере постепенно пополнялся, хоть и не такими темпами, как мы мечтали - связки вяленого и копченого мяса, обглоданные кости для бульона, емкости, сплетенные из коры, с вытопленным жиром, небольшой запас чистой воды в грубо слепленных из глины и обожженной на костре мисках.

Мы опасались, и не без оснований, так как мороз усиливался день ото дня, что наш источник питьевой воды рано или поздно застынет. Ручеек из скалы постепенно становился тоньше, да и омуток, куда она стекала, все больше затягивался ледяной коркой так, что иногда приходилось ее разбивать, чтобы зачерпнуть воды. Можно будет, конечно, топить снег, но в случае сильного бурана набирать его в котелок будет затруднительно.

- Нужно сделать еще посуду, - сказал как-то Быстрая Река. - Горшки. И заполнить их водой.

Я согласился с разумным предложением.

Но однажды, возвращаясь с ношей хвороста с дальнего края долины, где скалы образовывали глубокий разлом, я услышал новый звук. Не вой ветра, не скрип снега под ногами, а тихое, настойчивое журчание. Словно где-то под толщей льда и снега бился живой, жидкий пульс. Я бросил дрова и стал пробираться на звук, увязая по пояс. Снег здесь лежал пухлым, ненадежным сугробом. Я осторожно подполз на край разлома и замер.

Внизу, в глубокой трещине, чернела незамерзающая полынья. Откуда-то из-под нависшего снежного карниза струилась вода, падала тонкой, но настойчивой струйкой в небольшой, темный овражек. Это был родник! Живая вода, не скованная льдом! Я крикнул, забыв про всякую осторожность, и мой голос, усиленный эхом разлома, заставил с ближней сосны осыпаться шапку снега.

Быстрая Река прибежал через несколько мгновений. Увидев родник, он не закричал от радости, но глаза его заблестели, как два черных обсидиана на солнце.

- Это дыхание земли, - сказал индеец благоговейно. - Духи гор дают нам не только кров с едой, но и питье. Но… - он пригляделся к темной воде. - Смотри!

Я уставился туда, куда друг указывал пальцем. В небольшом омутке, куда стекала вода, мелькнуло что-то серебристое, быстрое.

- Рыба! - вырвалось у меня.

- Ха-а! - выдохнул Быстрая Река, и на его лице впервые за многие дни появилась широкая, по-настоящему радостная улыбка. - Форель. Горная форель. Она зимует здесь, в живой воде. Это… это пища, которая быстро не кончится.

Но добраться до нее было почти невозможно. Крутые, обледенелые стенки, глубина в несколько метров, ледяная вода. Мы вернулись в пещеру возбужденные и озадаченные. Идея витала в дымном воздухе, почти осязаемая. Нужны были рыболовные снасти.

***

Следующие дни прошли в мучительных экспериментах. Мы оба не были рыбаками. Быстрая Река обычно охотился на зверя, а не на рыбу. Мои скудные знания об удочках сводились к их покупке в магазине и очень редкой ловле на платных водоемах.

Первым делом нужен был крючок. Мы перепробовали все - согнутые иглы дикобраза (их было несколько в сумочке Быстрой Реки), заостренные и обожженные на огне кости птицы, даже вырезанный из рога оленя кусочек. Все было грубо, ненадежно и не цеплялось должным образом. Отчаяние начало подкрадываться ко мне, тихое и липкое, как холод пещеры по ночам. Каждый провал, каждый сломанный «крючок» казался насмешкой. Мы сидели у живой воды, полной пищи, и могли умереть с голоду в двух шагах от нее.

- Белый Волк, - сказал однажды Быстрая Река, видя, как я в ярости швырнул очередную костяную заготовку в стену. - Ты смотришь на крючок, как воин на врага - хочешь победить его одним ударом. Но рыба - не враг. Она - дар. К дару нужно подходить с хитростью, а не со злостью. Посмотри.

Он взял длинную и тонкую, очень гибкую ветку ивы и начал сгибать ее над паром от котелка, придавая ей форму. Потом взял самый крепкий конский волос из гривы нашей оставшейся лошади.

- Мой дед рассказывал, что когда-то, во времена Великого Голода, люди ловили рыбу руками, - говорил индеец спокойно, а его ловкие пальцы работали, завязывая немыслимо крошечные и прочные узлы. - Потом придумали костяной гарпун. Потом - сеть из жил. Мы просто идем по их следам. Наши руки помнят.

Он сделал не крючок в нашем понимании, а миниатюрную ловушку-удавку из упругого волоса и тонкой лошадиной жилы, отложенной нами для тетивы. Принцип был прост: рыба, привлеченная наживкой (кусочком заячьей требухи), должна была просунуть голову в петлю, а та, дернувшись, затягивалась. Это требовало невероятной точности и терпения.

Леску сплели из тех же конских волос, скрутив несколько длинных волосков вместе. Удилищем стала та самая прочная и гибкая ивовая жердь, прошедшая обработку паром. И вот, с этой хрупкой, нелепой на вид снастью, мы отправились к полынье.

Часы слились в монотонном, леденящем душу ожидании. Мы по очереди дежурили у черной воды, опуская нашу самодельную удавку с наживкой. Руки коченели, носы краснели и теряли чувствительность. Рыбы, проклятые, серебристые призраки, лениво кружили в глубине, игнорируя нашу уловку. Я уже почти поверил, что это бесполезно, что мы обманываем себя. Отчаяние снова накатывало, холодное и беспощадное.

И тут, на третий день, когда дежурил Быстрая Река, я услышал его сдержанный, но полный невероятного напряжения возглас: «Есть!». Я подбежал. Жердь в его руках изогнулась в дугу, конский волос натянулся, как тетива. В воде металась, блестя, тень. Он не тащил ее грубо, а играл, как опытный воин, утомляя противника, давая ему биться, тратить силы. И когда рыба выдохлась, он быстрым, плавным движением выбросил ее на снег.

Да, это была форель. Крупная, длиной в мой предплечье, жирная, сияющая всеми оттенками серебра и розового, с темными крапинками рыбина. Она билась на искрящемся снегу, сверкая на солнце, как драгоценный самоцвет, выпавший из короны самой Зимы.

Мы не кричали. Мы смотрели на нее, как на чудо. Потом наши взгляды встретились, и мы оба рассмеялись. Смеялись от переполнявшей нас дикой, первобытной радости. Мы перехитрили ее! Мы поймали ее! У нас была не просто еда. У нас появился новый навык, ключ, открывавший неиссякаемый, пока течет вода, источник жизни.

В тот вечер мы ели жареную на углях форель. Ее жир капал в огонь, шипя и вспыхивая яркими искрами. Мясо было нежным, насыщенным, совсем не похожим на жесткую конину или уже надоевшую зайчатину. Это был праздник, тихий и глубокий, как сама долина. Мы победили не рыбу. Мы победили отчаяние.

***

С рыбой жизнь стала легче, но не безопаснее. Зима все крепчала. Морозы стали такими, что дыхание замерзало в воздухе с легким звоном. Наша одежда, особенно моя, простенькая и сильно поношенная, начала сдаваться. Замша протиралась на коленях и локтях, мокасины потрескались и промокали. Однажды, разгребая снег у входа, я порвал рукав куртки об острый камень. Холод мгновенно впился в руку, как железными зубами.

- Нужна новая одежда, - констатировал я, глядя на зияющую дыру.

- Из шкуры, - кивнул Быстрая Река. - Но одной мало. Нужна еще. Теплая, с густым мехом.

Мы думали об этом, сидя у костра. Шкура зайца слишком мелкая. Овца? Их здесь пока что не наблюдалось. И тогда наш разговор был прерван. Наша оставшаяся лошадь, стоявшая у входа, внезапно забила копытом и издала короткий, испуганный фырк. Быстрая Река схватился за лук, а я выдернул из-за пояса нож, потому что никакого другого оружия больше под рукой не оказалось.

Из сумерек, из-за поворота скалы у входа в пещеру, на нас смотрели два желтых, не мигающих глаза. Они светились в отблесках костра холодным, бездушным пламенем. Зверь был огромен, молчалив и казался частью самой ночи. Это снова был он - снежный барс, ирбис, дух высокогорий, редкий и смертоносный гость. Он вернулся, вероятно привлеченный запахом нашей пищи или запахом лошади.

Сердце у меня упало в пятки. Мы оказались заперты с этим хищным призраком гор в нашей маленькой долине. Отступать было некуда. Барс сделал шаг вперед, и его силуэт выплыл из темноты - мощный, гибкий, с длинным пушистым хвостом. Он не рычал. Его тишина была страшнее любого рыка.

Но Быстрая Река не дрогнул. Он медленно, очень медленно поднял лук, уже с натянутой тетивой и наложенной на нее стрелой с каменным наконечником.

- Огонь, - прошептал он, не отводя глаз от зверя. - Больше огня.

Я, не раздумывая, схватил горящую головню из костра и швырнул ее в сторону барса. Угли и искры рассыпались ярким веером. Зверь отпрянул с мгновенной, кошачьей реакцией, но не убежал. Он замер, оценивая. Я бросил еще одну, потом начал подбрасывать в костер сухой хворост, раздувая пламя, чтобы оно взметнулось высоко и ярко, отбрасывая длинные, пляшущие тени.

Барс не боялся нас, но огонь - другая стихия. Зверь отступил еще на шаг, его желтые глаза сузились. И в этот миг Быстрая Река выстрелил. Стрела просвистела в воздухе и вонзилась барсу не в грудь или голову, куда целился охотник, а в могучее плечо. Хищник взревел - низко, яростно, и этот звук разорвал морозную тишину долины. Он сделал прыжок в нашу сторону, но боль и ослепляющий свет огня смутили его. Он крутанулся на месте и огромными, мягкими прыжками помчался прочь, в темноту, растворяясь в ней, как кошмар.

Мы стояли, прижавшись спинами к стене пещеры, слушая, как затихает вдали шум его бега. Лошадь дрожала. Руки Быстрой Реки, державшие лук, тряслись от напряжения.

- Он вернется, - хрипло сказал я.

- Нет, - покачал головой индеец. - Зверь ранен. Он помнит боль и огонь. Он уйдет искать добычу попроще. Но его шкура… - в голосе Быстрой Реки послышалась не жадность, а почтительное сожаление. - Его шкура согрела бы нас на три зимы.

Мы не спали всю ночь, поддерживая огромный, яркий костер у входа. Сегодня мы не жалели дров, но желтые глаза не возвращались. Наутро мы нашли на снегу пятна темной, почти черной крови. Мы пошли по следу, но тот терялся на скалах.

Ирбис ушел, но встреча с ним зажгла в нас новую, настоящую решимость. Нам нужна была теплая одежда. Не просто для комфорта, а для выживания. И раз духи не дали нам шкуру барса, значит, нужно искать другой путь. И мы смотрели на нашу большую, выделанную лошадиную шкуру, и на мелкие заячьи шкурки, и наши мысли работали в унисон - нужно шить. Нужно непременно научиться это делать.

Глава 7.

Страх, принесенный желтыми глазами барса, стал холодным, постоянным фоном нашей жизни. Но, как ни парадоксально, он же придал нам сил. Мысль о том, чтобы выйти в лютый мороз в прохудившейся одежде, стала равносильна самоубийству. Нужно было действовать.

Мы осмотрели наши ресурсы. Большая лошадиная шкура - это основа, возможно, для накидки или одеяла. Но для одежды, для парки с капюшоном и штанов, ее не хватит. Нужны были другие шкуры. Мелкие заячьи шкурки, пусть и мягкие, годны лишь на подкладку или рукавицы. Понадобится зверь покрупнее.

Наконец, Быстрая Река, изучая заснеженные склоны, нашел то, что искал - свежие следы. Не барса, а другого обитателя высокогорий - толсторога, снежного барана. Следы, крупные и четкие, вели вверх, к самым скальным карнизам, где на голых уступах кое-где виднелась скудная, пожухлая трава, выдуваемая ветром.

- Охотиться на него здесь - все равно что просить духов разбить тебе голову, - мрачно заметил Быстрая Река. - На этих склонах он - царь. Но… он должен спускаться на водопой. К нашему роднику.

Так родился план. Мы не могли преследовать барана в его стихии. Значит, нужно было заставить его прийти к нам. Мы выбрали узкое место у подхода к полынье, где скалы сходились, образуя подобие коридора. Здесь Быстрая Река с невероятным терпением и знанием дела соорудил ловушку. Не яму - копать промерзшую землю было немыслимо, - а настороженный лук огромной мощности. Он взял самый упругий ствол молодой сосны, согнул его, привязав сыромятным ремнем к колу, вбитому в расщелину скалы. Тетиву сделал из скрученных кожаных ремешков. К ней привязал тяжелое, заостренное копье, вырезанное из прочного сука. Лук удерживался в натянутом состоянии тонкой, почти невидимой жилкой, протянутой поперек тропы на высоте груди барана. Принцип был прост - зверь, задев жилку, освобождал тетиву, и копье с огромной силой вонзалось в него.

Установка ловушки заняла целый день. Мы замаскировали механизм ветками и снегом. Оставалось только ждать и молиться духам гор, чтобы они даровали нам удачу.

Ожидание было мучительным, но времени зря мы не теряли. Мы продолжали ловить рыбу - теперь уже с двумя удочками, ибо я под руководством друга смастерил свою. Форель стала нашим хлебом, надежным и постоянным. Это мясо, красное мясо, дающее силы и жир, было жизненно необходимо.

Каждое утро мы, с замиранием сердца от надежды, первым делом шли проверять баранью ловушку. И на третий день удача улыбнулась нам. Мы еще не дошли до места, как увидели на снегу широкий, волочащийся след и темные брызги. Мы бросились вперед. Ловушка сработала! Копье, мощное и точное, пронзило молодого толсторога. Баран прошел с ним в груди

еще с полсотни шагов, прежде чем рухнуть в сугроб у самой воды. Его большие, стеклянные глаза уже потухли. В них не было страха, лишь пустота ушедшей жизни.

Радость наша была не крикливо-ликующей, а глубокой, серьезной, смешанной с благодарностью. Мы оба, не сговариваясь, опустились на колени рядом с добычей и несколько минут молчали, благодаря духа зверя и гор за этот дар. Наконец-то у нас появился не просто обед. Это была еще и шкура, так нужная нам, - теплая, густая, с прекрасным длинным мехом, идеальным для зимней одежды.

Работа началась немедленно, пока туша не замерзла. Мы оттащили ее в пещеру. Выделкой шкуры занялся Быстрая Река, а я взялся за разделку туши. Мясо барана было темно-красным, плотным, с тонкими прослойками жира. Запах свежей крови и теплого тела наполнил пещеру, и это был запах жизни, победы, продолжения. Мы отрезали тонкие куски и сразу нанизали их на вертел. В тот вечер пир был царским - жареная баранина с дымком и отварная форель. Жир стекал по подбородкам, согревая изнутри лучше любого костра. Мы ели молча, с наслаждением людей, знающих истинную цену этой пище.

***

Выделка шкуры толсторога стала настоящим священнодействием. Быстрая Река обращался с ней, как с самым драгоценным материалом. Процесс был долгим и вонючим, но необходимым.

Сначала он растянул шкуру на раме мездрой - внутренней стороной - вверх. Скребками из заостренных плоских костей он тщательно соскабливал остатки мяса и жира. Это требовало силы, но и аккуратности, чтобы не прорезать кожу.

Потом настал черед самого «алхимического» этапа. Индеец размял в воде и жире вынутые мозги барана, получив вонючую, белесую пасту. Этой пастой он обильно намазал мездру.

- Мозги знают, как сделать кожу мягкой, как они сами, - в очередной раз пояснил мне Быстрая Река.

После этого шкуру он свернул и оставил на день пропитываться.

Затем началась самая муторная работа, к которой подключился теперь и я. Шкуру нужно было постоянно мять, растягивать, тереть о туго натянутую веревку или специально обструганный край скалы. Делали это по очереди, часами. Кожа постепенно теряла жесткость, становясь податливой. В конце концов, ее растянули над медленно тлеющим костром из сырых веток и мха, чтобы прокоптить. Дым убивал бактерии, придавал шкуре водоотталкивающие свойства и тот самый, неповторимый запах дымного ладана, который навсегда будет ассоциироваться у меня с безопасностью и домом.

Пока шкура выделывалась, мы занялись инструментами. Иглу сделали из прочной бараньей кости, раскалив на углях острый осколок камня и просверлив им ушко. Получилось грубо, но это работало. Нитями стали длинные, прочные сухожилия с шеи барана. Быстрая Река их правильно высушил, а затем разделил на тонкие, невероятно крепкие волокна. Их нужно было смачивать слюной, скручивая между пальцами, чтобы они стали гладкими, податливыми и не рвались.

И вот настал день, когда мягкая, дымная шкура лежала перед нами, а в руках у нас были костяные иглы и мотки сухожильных нитей. Настало время шить.

Быстрая Река, конечно, имел общее представление, как шьют одежду его соплеменники. Но он был воином и охотником, а не скорняком, так что мы учились вместе, на собственных ошибках. Сначала сделали выкройки, просто прикладывая куски кожи друг к другу и отмечая угольками линии реза. Шили «через край», два слоя кожи вместе, стараясь делать стежки плотнее, чтобы не задувало. Пальцы быстро уставали и кровоточили от уколов, сухожильная нить постоянно норовила запутаться или порваться.

Первой законченной вещью стали рукавицы. Неуклюжие, немного кривые, но невероятно теплые, с подкладкой из заячьего меха. Надеть их впервые - это было ощущение такой защи-

щенности, такой роскоши, что я не мог сдержать улыбки. Потом пришла очередь добротных меховых штанов, скроенных мехом внутрь. Шить их оказалось намного сложнее - нужно было вставлять ластовицу и делать кулиску для пояса из более толстой полосы кожи с ноги барана.

Верхней одеждой стала парка из той самой лошадиной шкуры, но мехом внутрь мы пришили подкладку из заячьих шкурок. Капюшон получился большим, чтобы можно было натянуть его поверх шапки. Когда я впервые облачился в полный новый комплект, я почувствовал себя неуклюжим медведем, но также и непобедимым. Холод, который раньше казался вездесущим врагом, теперь оставался снаружи. Он щипал лишь лицо, но не мог проникнуть внутрь.

Быстрая Река, закончив шить парку для себя, встал, потянулся и вышел из пещеры в самый разгар метели. Я наблюдал за ним. Он стоял, раскинув руки, лицом к падающему снегу, и смеялся. Его смех был похож на крик ястреба - дикий, свободный, торжествующий. Потом он вернулся, отряхиваясь, его черные волосы были покрыты инеем, но под мехом тело оставалось горячим.

- Теперь, Белый Волк, зима не хозяин нам, - сказал он, и его глаза блестели в свете огня. - Она сосед. Суровый, но терпимый сосед. Мы построили дом, нашли воду, добыли пищу и оделись. Мы не выживаем. Мы живем.

И тут я понял, что он прав. В этой каменной ловушке, в самом сердце враждебных гор, мы построили не просто убежище. Мы построили жизнь. Суровую, каждодневную, но полную тихого достоинства и глубочайшей, выстраданной радости от простых вещей - теплой шкуры на плечах, дымящейся миски с бульоном, молчаливого понимания между двумя людьми, смотрящими на одно пламя. Зима будет еще долгой, но ее власть над нами теперь сломлена.

***

Одежда была готова. Мы носили ее несколько дней, привыкая к новому весу, к иному ощущению мира - защищенному, отделенному от ледяного дыхания зимы толстым слоем меха и кожи. Но в глазах Быстрой Реки я видел, что дело не завершено. Для него каждая взятая у природы вещь, будь то жизнь зверя, шкура или даже горсть ягод, была не просто добычей, а даром. А за дар нужно благодарить, иначе духи обидятся, и удача отвернется.

Он молча готовился. Отложил самые лучшие куски вяленой баранины - не жилистые, а мягкие, с прослойками жира, отобрал самую крупную, серебристую форель, которую мы поймали, тщательно очистил от снега небольшую плоскую площадку у скалы, напротив входа. Это было важное место - оно смотрело на восток, откуда приходит солнце.

Вечером, когда сумерки начали быстро сгущаться, окрашивая снег в синие тона, он обратился ко мне:

- Сегодня мы скажем «спасибо» духам Неба, духу Земли под нашими ногами, духу Огня, что греет нас, и духам зверей, что отдали нам свою силу. Без этого мы бы не жили.

Я кивнул, чувствуя легкую, трепетную торжественность происходящего момента. Для меня это действие больше представляло этнографический интерес, хотя и смешанный с уважением к вере индейцев, а для Быстрой Реки - необходимость, такая же, как дышать.

Он разжег на расчищенной площадке не костер, а небольшой, аккуратный очаг из сухих веточек можжевельника - он принес их заранее, объяснив, что их дым чист и приятен духам. Пламя было невысоким, почти ритуальным, и сразу наполнило воздух горьковато-сладким, священным ароматом.

Быстрая Река начал с себя. Он снял новую парку со штанами, оставаясь в набедренной повязке, несмотря на жгучий холод. Его тело, мускулистое и иссеченное светлыми полосами шрамов в нескольких местах, казалось высеченным из темной бронзы в свете низкого пламени. Он раскрасил лицо и грудь смесью жира и угля, проведя две вертикальные линии от глаз вниз, в благодарность за зрение, что выслеживает добычу, и круг над сердцем.

- Слушай не только ушами, Белый Волк, - тихо сказал мне друг. - Слушай кожей. Духи говорят шелестом ветра, треском огня, даже биением твоего сердца.

Быстрая Река встал перед очагом, лицом к тлеющим углям и бездонному, усыпанному звездами небу над ущельем. Начал он не с движений, а с песни. Это было низкое, гортанное бормотание, тихое, монотонное и гипнотизирующее. Слов я почти не понимал, а просто почувствовал в них перечисление: «баран… форель… заяц… лошадь… огонь… вода… камень…».

Потом Быстрая Река начал двигаться. Это не был танец в привычном смысле. Каждое движение напоминало какое-либо действие. То его тело становилось осторожным, подкрадывающимся охотником - каждый шаг был точным, мягким, взгляд прикован к невидимой цели, то сгибалось в муках зверя, пораженного копьем, - резкий выдох, судорога, падение. Потом индеец «разделывал тушу» - движения рук становились быстрыми, точными, бережными. Затем «выделка шкуры» - растирая ладони одна о другую, с силой растягивая невидимую кожу. И наконец, «шитье» - пальцы складывались, будто держа иглу, делая мелкие, аккуратные стежки в воздухе.

Это был целый рассказ. Рассказ о нашей борьбе, нашей нужде и нашей победе, воплощенный в плоти и движении. Воздух вокруг словно сгущался. Даже лошадь у входа перестала жевать и стояла, завороженно глядя в нашу сторону.

Затем настал момент подношения. Быстрая Река взял кусок лучшего мяса и, протянув руку над самым пламенем, но не бросая в него, ибо пищу духам не жгут, а дают ее суть, ее аромат, произнес громко и четко:

- Дух Барана Снежных Вершин! Ты был силен и быстр. Твоя сила теперь наша сила. Твоя шкура греет нас. Мы помним тебя и благодарим. Пусть твой дух бежит вольно в вечных охотничьих угодьях.

Аромат жареного мяса, подхваченный дымом, поднялся столбом в холодный воздух. Потом Быстрая Река сделал то же самое с кусочком форели, благодаря Духа Воды и саму рыбу, потом бросил в огонь мизерную щепотку нашей драгоценной соли и несколько сушеных ягод - духам земли и солнца, что создали и вырастили их.

После этого индеец замолк, просто сидя на корточках у огня, глядя, как дым с ароматами подношений уносится вверх, к звездам. Лицо его было спокойным и умиротворенным. Ритуал был завершен. В нем Быстрая Река не просил ничего нового, он лишь отдавал долг чести.

Наконец, друг повернулся ко мне и жестом пригласил присоединиться. Не для сложных движений, а просто посидеть у этого особого огня. Я подошел и сел рядом. Тепло от маленького очага ощущалось не физическим, а каким-то внутренним.

- Теперь все правильно, - сказал Быстрая Река тихо. - Мы взяли, мы сделали, мы поблагодарили. Теперь мы в ладу с этим местом. Оно больше не ловушка. Оно наш зимний дом. Духи это видят и одобряют.

Я не знал, верил ли я в его духов, но в ту ночь, глядя на дым, растворяющийся в черном бархате неба, усыпанном бесчисленными алмазами звезд, я почувствовал это. Ощутил необъяснимую, глубокую связь с этой долиной, с этими горами, с жизнью, которую мы здесь вели. Это была не вера в конкретных богов, а благодарность - тихая и настоящая. Благодарность за каждый прожитый день, за тепло шкуры, за вкус пищи, за крепость каменных стен, укрывших нас.

Мы сидели так долго, пока огонь не истлел в груду алых угольков. Холод снова начал подбираться, но внутри у меня было спокойное, прочное тепло. Ритуал закончился, но чувство благодарности, посеянное им, осталось. Оно стало частью нашего быта, тихим напоминанием за каждой трапезой, при каждом взгляде на теплую одежду, что мы здесь не по праву сильного, а по милости этого сурового, прекрасного мира. И за это нужно благодарить. Всегда.

Глава 8.

После ритуала зима, казалось, смирилась с нашим присутствием, но не сдалась. Начались снегопады - тихие, упорные, изо дня в день. Они засыпали долину новыми слоями пушистого снега, превращая ее в белый, безмолвный собор. Выходить наружу становилось все труднее, а порой и вовсе невозможно. Мир сжался до размеров нашей пещеры.

Это заставило нас обустраивать наше жилище с еще большим тщанием. Мы углубили и расширили очаг, обложив его плотнее камнями, чтобы тепло лучше сохранялось. Из тонких ивовых прутьев сплели нечто вроде загородки у входа - не от зверей, а от снега, который периодически наметало внутрь порывами ветра. Из остатков шкур сделали настоящую дверь-занавес, которую можно было откидывать. В глубине, на каменных «полках», царил идеальный порядок: связки рыбы, полосы вяленого мяса, сложенные шкуры, инструменты. Наш каменный мешок стал уютным, дымным, пропитанным запахами жизни логовом.

Однажды, в особенно долгий и скучный день, когда снег валил стеной, застилая даже скалу напротив, я от скуки начал ковырять каменным осколком в самом дальнем, темном углу пещеры, где мы хранили самые ненужные пока вещи - груду камней, бесполезные пока обрезки шкур и остатки костей. Мне захотелось сделать там нишу для хранения. Камень поддался неожиданно легко. Я ударил сильнее и вдруг мое орудие провалилось в пустоту. Посыпались мелкие камешки, и откуда-то снизу потянуло струйкой иного воздуха - не спертого пещерного, а холодного, пахнущего сыростью и глубиной.

- Быстрая Река! Иди скорей сюда! - позвал я, и сердце заколотилось от внезапного возбуждения.

Мы вдвоем расчистили отверстие. За тщательно подогнанной и замазанной глиной кладкой, явно сделанной руками человека, зиял черный провал. Небольшой, в половину человеческого роста, но явно ведущий куда-то. Запалив факел из смолистой сосновой ветки, Быстрая Река первым протиснулся внутрь. Я последовал за ним.

Это была не просто расщелина. Здесь был настоящий проход, который вел в систему естественных коридоров и гротов. Воздух там был странным - холодным, но без леденящей сырости нашей пещеры. Мы шли осторожно, пригнувшись, прислушиваясь к тишине, нарушаемой лишь потрескиванием факела и капелью воды где-то вдалеке. Туннель извивался, поднимался, снова опускался. Мы прошли, наверное, с сотню шагов, когда коридор вывел нас в новую пещеру.

Она была просторнее нашей, суше и… теплее. Значительно теплее. Источника тепла видно не было, но, возможно, где-то снизу пролегали теплые пласты или там была своя, неизвестная нам геология. И эта пещера была обитаема. Вернее, была обитаема когда-то раньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.